

Экономический вестник о вопросах переходной экономики

Beyond Transition

Апрель—июнь 2005 г. • Номер 6 (2005)

<http://www.worldbank.org/transitionnewsletter>

<http://www.cefir.ru/index.php?id=38>

Тема номера: бедность и экономический рост

Глобальное снижение бедности через расширение возможностей

Тимоти Безли, Робин Берджесс, Дэвид Доналдсон **3**

Интервью с Альберто Алесина **4**

"Гуд бай", Ленин? Влияние социализма на предпочтения людей относительно политики перераспределения

Альберто Алесина и Николя Фукс-Шундельн **6**

Экономический рост, распределение доходов и бедность в переходный период в Польше

Пьерелла Пацци, Марцин Й. Сасин и Йоз Вербек **8**

Латинская Америка в 1980–2005 гг.: институциональное устройство, экономический рост и бедность

Альваро Гарсия **10**

Микрокредитование социально уязвимых групп: результаты исследования ПРООН

Андрей Иванов **12**

Искажения на рынке труда, неравенство города и села и открытость китайской экономики

Томас Хертел, Фэн Жай **14**

Городская бедность в России и социальная помощь городским бедным

Анастасия Александрова, Елена Гришина **15**

Бедность не порок: измерение региональной бедности в России

Ирина Денисова, Марина Карцева **18**

Вступление России в ВТО и последствия для уровня бедности

Томас Ратерфорд, Дэвид Тарр, Олександр Шепотыло **20**

Вопросы экономической политики

Оценка правовых систем: катализатор реформы

Мишель Нуссбаумер **21**

Новые публикации **23**

Календарь событий **26**

По результатам исследования Института экономики города (г. Москва), к группам с самым большим риском оказаться за чертой бедности в России относятся семьи с неработающими пенсионерами, многодетные семьи, семьи с недееспособными членами, семьи с невысоким образовательным уровнем и семьи, живущие в небольших городах

От редактора

Высокие темпы экономического роста в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ в течение последних лет позволили улучшить жизнь множества бедных людей в регионе, однако экономический рост по-разному влиял на изменение уровня бедности в разных странах. Такое явление нельзя назвать ни новым, ни уникальным — одна из наиболее разительных особенностей мирового развития заключается в том, что в некоторых странах довольно скромный экономический рост позволяет миллионам людей выйти из-за черты бедности, в то время как в других даже быстрое экономическое развитие лишь слабо отражается на жизни бедных слоев населения или вообще никак на нее не влияет.

Принимая во внимание политическую значимость взаимосвязи между экономическим ростом и преодолением бедности, удивительно, как мало мы знаем в теории и на практике о причинах такого разброса по странам. Недавняя работа Тимоти Безли, Робин Берджесс и Дэвида Доналдсона, которая открывает этот номер, анализирует факторы, помогающие снизить бедность, на основе данных на страновом уровне и уровне отдельных индийских штатов. В номере также рассматриваются опыт Польши, Китая, России и Латинской Америки. Судя по статье Альваро Гарсии, Латинская Америка в этих областях значительно отличается от Центральной и Восточной Европы и больше похожа на Россию.

Конечно, различия между странами по влиянию экономического роста на уровень бедности в некоторой степени объясняются особенностями систем социального обеспечения. Эффективность механизмов перераспределения доходов в пользу беднейших слоев населения значительно отличается по странам, особенно в СНГ. В России, например, более половины доходов уходит к наиболее обеспеченным 60 процентам населения. В своем интервью **BT** Альберто Алесина говорит о различиях в отношении к процессу перераспределения доходов и на примере объединения Германии показывает, что для изменения этого отношения требуется определенное время.

Но, как подчеркивают Тим Безли, Робин Берджесс и Дэвид Доналдсон, распределение производительных возможностей может быть более важным фактором влияния экономического роста на уровень бедности, чем перераспределение доходов. Смещение центра тяжести с сельского хозяйства на обрабатывающие отрасли, и в частности, в сектор обслуживания, по эффективности преодоления бедности превосходит большинство других факторов. Это заставляет обратить внимание на права собственности и качество защищающих их институтов.

Наличие производительных возможностей подчеркивает важность развития человеческого капитала и доступности финансирования. Безли и др. показывают, что регулирование экономики даже на благо бедных слоев населения может отрицательно повлиять на открывающиеся для них возможности. Интересно, что в исследовании авторов свободная торговля не является фактором, значительно влияющим на уровень бедности. Для более полного освещения данного вопроса мы включили в этот выпуск две статьи о китайском и российском опыте либерализации торговли. Наверное, менее всего очевидна взаимосвязь между экономическим ростом и уровнем бедности через политический канал. Безли и др., например, исследуют влияние гласности и подотчетности властей на эту взаимосвязь.

Поддержание высоких темпов экономического роста — основная задача стран Центральной и Восточной Европы, а также СНГ, но еще важнее добиться снижения уровня бедности. Из исследований и статей, опубликованных в этом номере **BT**, следует, что в дополнение к системе перераспределения нужно больше внимания уделять институтам, позволяющим создавать производительные возможности. В любом случае отношение к перераспределению, скорее всего, складывается исторически и определяется в том числе этнической разнородностью, на что трудно повлиять политическими методами.

Требования к институциональной среде будут меняться, по мере того как страны будут приближаться к передовому технологическому уровню и все больше полагаться на собственные инновационные возможности. Еще один вывод заключается в том, что региональные различия в технологиях производства и инвестиционном климате внутри стран могут быть, по меньшей мере, столь же важны, как различия на межстрановом уровне. Такие крупные государства, как Россия, могут попробовать применять различные меры политики в регионах в зависимости от региональных особенностей — это позволит лучше понять, какие меры способствуют снижению уровня бедности.

Эрик Берглоф
управляющий редактор

Глобальное снижение бедности через расширение возможностей

Тимоти Безли, Робин Берджесс, Дэвид Доналдсон

Какие институциональные и политические факторы влияют на снижение уровня бедности? Основываясь на данных международных и внутристрановых (на примере Индии) источников, мы выделяем отличительные черты экономик, рост которых ориентирован на улучшение качества жизни бедных слоев населения. Такими особенностями являются обеспечение защиты прав собственности, подотчетность правительства, доступ к образованию и финансированию, а также деловой климат, не обремененный государственным регулированием.

Опираясь на данные Всемирного банка по исследованию домохозяйств, мы рассматриваем вопрос о том, как изменения в уровне неравенства и экономического роста влияют на снижение бедности в разных странах. Экономический рост — серьезный фактор сокращения бедности во всем мире, за исключением стран Африки к югу от Сахары, но влияние этого фактора значительно отличается в разных регионах. Взаимозависимость между неравенством и бедностью менее ясна, поскольку в прошлом изменения в неравенстве не являлись важным фактором снижения бедности.

Оказывается, имеет значение тип экономического роста. "Структурные изменения", при которых происходит сдвиг с добывающей промышленности и сельского хозяйства на обрабатывающую промышленность и сектор услуг, связаны с экономическим ростом, но еще более тесно со снижением уровня бедности. Наиболее значимым для снижения уровня бедности является сектор услуг, также важно перераспределение ресурсов из сельского хозяйства.

Институциональные и политические особенности определяют темпы экономического роста и снижения уровня бедности, при этом их воздействие на развитие экономики намного очевиднее, чем на бедность. На основе межстранового исследования мы выделяем четыре основных показателя, наиболее важных для снижения уровня бедности: соблюдение прав собственности, особенно на землю; эффективное управление, подотчетность властей и гласность, особенно свободный обмен информацией и независимые СМИ; доступ к производственным возможностям, включая развитие человеческого капитала, доступ к финансированию и доступность банковских услуг; государственное регулирование, оказывающее влияние на деловой климат в стране, например, принятие трудового законодательства, защищающего интересы работников, установление барьеров для входа на рынок и установление ограничений в международной торговле.

Эти же показатели позволяют нам сравнить результаты усилий по снижению бедности в 16 самых больших индийских штатах, где проживает более 95% населения, за 1960 — 2000 гг.

По всей Индии в этот период реальный объем сельскохозяйственного производства на душу населения был относительно стабильным. В середине 1970-х гг. начал увеличиваться реальный объем несельскохозяйственной продукции на душу населения, однако этот процесс проходил совершенно по-разному в разных штатах. В некоторых происходили лишь небольшие структурные изменения и экономический рост; в других значительно росли несельскохозяйственные отрасли экономики. В результате, напри-

мер, в штате Керала уровень бедности значительно снизился при относительно слабом экономическом росте; в других штатах, таких как Харьяна, экономический рост был намного больше, но уровень бедности снижался значительно медленнее.

Мы установили ряд причинно-следственных отношений, которые объясняют разброс в степени влияния экономического роста на улучшение жизни беднейших слоев населения. Структурные изменения (к которым относится увеличение доли несельскохозяйственной продукции в валовом объеме производства) связаны со снижением уровня бедности. И хотя неравенство не соотносится с уровнем бедности, есть некоторые свидетельства тому, что чем меньше неравенство, тем сильнее экономический рост способствует снижению уровня бедности.

Какие институциональные и политические реформы, осуществленные в штатах Индии, оказались наиболее эффективными для снижения уровня бедности? Наше исследование позволяет нам предложить некоторые предварительные выводы:

Права собственности: Институты, защищающие права собственности, крайне важны для стимулирования инвестиций, торговли и биржевой деятельности, а также обеспечения распределения выгод от экономического роста на бедные слои населения. В штатах, где были проведены более широкие земельные реформы, бедность в сельских районах сокращалась быстрее.

Гласность и подотчетность: Важную роль играют средства массовой информации и степень демократичности общества. Тиражи газет оказывают огромное влияние на быстроту реагирования правительством на засухи и наводнения и соответствующее распределение продовольственной и материальной помощи.

Доступ к финансированию: В штатах с более быстрым проникновением банковских филиалов в регионы без банковского обслуживания быстрее снижался уровень бедности в сельских регионах, а промышленный экономический рост шел интенсивнее. Увеличение доступа к финансовым услугам в сельских районах повышает эластичность воздействия экономического роста на уровень бедности и стимулирует экономический рост.

Человеческий капитал: Инвестиции в образование оказались важнейшим фактором для снижения уровня бедности. Штаты с более высоким уровнем грамотности женщин и их более активным участием на рынке труда добились большего успеха в снижении уровня бедности.

Государственное регулирование: Регулирование трудовых отношений — ключевой аспект, формирующий деловой климат в Индии. В штатах с большей защитой интересов трудящихся производство росло медленнее, а уровень городской бедности был выше.

Статья основана на презентации Тимоти Безли (Timothy Besley), Робин Берджесс (Robin Burgess) и Дэвида Доналдсона (David Donaldson) в Стокгольме в марте 2005 г. Робин Берджесс — преподаватель экономики, Тимоти — профессор экономики и политологии, Дэвид Доналдсон — докторант Лондонской школы экономики и политологии. ■

Альберто Алесина: "Не думаю, что страны с переходной экономикой могут позволить себе такую же систему социального обеспечения, как Западная Европа"

Альберто Алесина — профессор политической экономики и декан экономического факультета Гарвардского университета. Он автор нескольких книг, в т. ч. "Борьба с бедностью в США и Европе: огромные различия" ("Fighting Poverty in the US and Europe: a World of Difference") в соавторстве с Эдвардом Глейзером, опубликованной издательством Oxford University Press в 2004 г. Профессор Алесина ответил на вопросы **ВТ** во время своего визита в Москву, где он выступил с серией лекций в Российской экономической школе.

Можете ли Вы сказать, что понимание бедности экономистами претерпело какие-либо изменения за последние десятилетия?

Я не специалист по вопросам бедности в развивающихся странах, однако, что касается развитых стран, мы стали лучше понимать, что многие программы, направленные на сокращение бедности и неравенства, вместо этого создали "очаги привилегий" для некоторых бедных групп. Например, некоторые положения трудового законодательства, призванные защитить труд от капитала, в действительности создали привилегии для инсайдеров и профсоюзов и препятствия для вхождения молодежи на рынок труда. Очень щедрые системы пенсионного обеспечения перераспределяют доходы от молодых к пожилым, хотя пожилые на самом деле не обязательно беднее молодых, особенно учитывая увеличение продолжительности жизни. Среди экономистов возросло понимание того, что некоторые меры перераспределительной политики в развитых странах приводят к непреднамеренным последствиям, разделяют бедных на инсайдеров и аутсайдеров и создают еще большее неравенство.

Какие меры по борьбе с бедностью, по Вашему мнению, оказались наиболее эффективными?

Я думаю, что экономический рост в целом всегда положительно влияет на бедность. В этом свете примерами экономической политики, ориентированной на интересы бедного населения, будут поддержание рыночной конкуренции, устранение барьеров для входа на рынок, сокращение государственного регулирования, препятствующее созданию монополий, т. е. такая экономическая политика, которая не препятствует действию рыночных сил, способствует работе рынков и стимулирует экономический рост. А здоровый рост экономики создает возможности для налогообложения и перераспределения. Однако высокие налоги в сочетании с рыночными препонами замедляют темпы роста и в действительности усугубляют неравенство, так как способствуют обогащению инсайдеров и людей со связями. В этом случае нет ни равенства, ни экономического роста. Таким образом, мой рецепт таков: защищайте рыночные принципы любой ценой, поддерживайте высокий уровень рыночной конкуренции — и тогда вы сможете позволить себе перераспределение.

В Европе и США, несмотря на схожесть экономической системы, с бедностью борются очень по-разному, на что указывает даже заголовок Вашей новой книги. В своем исследовании Вы связываете различия в объеме расходов на социальное обеспе-

чение с политическими, социологическими и поведенческими факторами. Принимая во внимание исторически сложившуюся избирательную систему и относительную этническую однородность в Европе, думаете ли Вы, что европейские страны когда-нибудь перейдут к системе, похожей на американскую?

Я не думаю, что в обозримом будущем система социального обеспечения в европейских странах сильно изменится и станет более похожей на американскую. Возможно, будут осуществляться какие-то реформы, происходить незначительные изменения, в некоторых странах из-за сложностей с выполнением финансовых обязательств пенсионная

система будет корректироваться, но я не предвижу никаких значительных изменений. Один интересный аспект, однако, это уменьшающаяся этническая однородность Западной Европы из-за волны иммиграции. Европейская система соцобеспечения столкнется с давлением со стороны политических партий, утверждающих, что государство не может позволить выплачивать социальные пособия иммигрантам, как это уже происходит в США. Это вызовет споры о том, каким образом можно исключить иммигрантов из системы социального обеспечения. Что будет происходить дальше, прогнозировать сложно.

Тогда возникает вопрос: должны ли европейские страны менять свою систему соцобеспечения? Не слишком ли она раздута?

Если мы говорим об эффективной системе (а все согласны с тем, что система соцобеспечения должна быть максимально эффективной), вопрос, сколько средств направлять на перераспределение, в значительной степени отражает политические предпочтения, которые не могут быть "правильными" или "неправильными". Однако мне кажутся несколько раздражающими и бесполезными звучащие в Европе заявления о том, что европейские страны хотели бы иметь такие же темпы экономического роста и такой же внешнеполитический вес, как США, и в то же время сохранить европейскую социальную систему: более короткий рабочий день, гораздо более регулируемый рынок, более высокие гарантии занятости, высокий уровень перераспределения и более ранний пенсионный возраст. В таких политических заявлениях отсутствует понимание несовместимости этих целей. Выбор европейской системы социального обеспечения означает, что следует смириться с более медленными темпами роста, по сравнению с США, меньшей численностью армии и, следовательно, меньшей значимостью во внешней политике, так как все налоги идут на перераспределение. Придется также смириться с тем, что через 10—20 лет такие страны,

как Корея, Чилии Мексика, обгонят Западную Европу по уровню дохода на душу населения, поскольку темпы экономического роста у них гораздо выше. В этом нет ничего плохого. Западноевропейские государства достаточно богаты, уровень бедности в них низок, и они, безусловно, могут позволить себе расти не очень быстро. Но тогда они должны перестать говорить о высоких темпах роста.

Американцы считают, что бедность от лени; европейцы — что от невезения. В своей книге Вы пишете, что мнения и убеждения — результат политического и институционального устройства. Можно ли сказать, что распространенная в странах с переходной экономикой вера в сильное государство, которое должно заботиться о своем населении, может измениться по мере изменения институциональных основ?

Во-первых, я бы не сказал, что институты порождают убеждения, — это двусторонний процесс. Я думаю, что идеология и убеждения важны для становления определенных институтов, а затем уже созданные институты укрепляют эти идеологии. Наше исследование с Николя Фукс-Шундельном [см. статью на стр. 6], в котором мы сравниваем изменение отношения к роли государства после объединения Восточной и Западной Германии, показывает, что это отношение действительно меняется, хотя и довольно медленно. Должно смениться примерно одно поколение, прежде чем различия в отношении к роли государства у восточных и западных немцев полностью исчезнут. Поэтому я думаю, что в странах с переходной экономикой пройдет немало времени, прежде чем изменится мнение о роли государства. Во-первых, как я сказал, потому что убеждения меняются медленно, а во-вторых, потому что переходный период привел к значительному росту неравенства, и те, кто остался в проигрыше в результате проводимых преобразований, создают спрос на вмешательство государства. Мы подчеркиваем в своей работе, что, возможно, последствия политического шока от присоединения 25% населения, поддерживающего государственное вмешательство, гораздо более глубокие, нежели довольно хорошо изученные краткосрочные экономические последствия объединения Германии. Так, например, реформирование социальной системы в Германии будет гораздо труднее осуществить из-за этого политического шока.

Какой основной посыл Вашей книги для политиков в странах с переходной экономикой?

В книге прямо говорится, что мы не даем никаких оценок, не говорим, что американская система лучше, а европейская — хуже, или наоборот. Наша книга не дает никаких рецептов. Однако,

если отложить книгу в сторону, я думаю, что в первую очередь политикам в странах с переходной экономикой следует понять на примере Западной Европы, что система с чрезмерным регулированием, серьезным вмешательством государства в работу рынка, высокими предельными ставками налогов и щедрыми пенсиями может серьезно препятствовать экономическому росту, а ведь более высокий экономический рост — это то, что действительно помогает искоренять бедность в долгосрочной перспективе. Я не думаю, что страны с переходной экономикой могут позволить себе такую же систему социального обеспечения, как в Западной Европе. Щедрость социальной системы в Западной Европе значительно возросла в 1960-е, 1970-е и в начале 1980-х гг., когда уровень дохода на душу населения был намного выше, чем сейчас в странах с переходной экономикой. Я бы рекомендовал устранять крайние проявления бедности, целенаправленно используя для этого минимально возможные объемы ресурсов. В программах сокращения бедности в развивающихся странах часто неверно определяются целевые группы. Значительный объем средств тратится на поддержку городского населения, благосостояние которого вполне удовлетворительно, по крайней мере, по меркам развивающихся стран, в то время как крайняя бедность в сельских районах остается полностью незамеченной центральной властью. То есть необходимо сосредоточиться на целенаправленной помощи самым бедным слоям населения, защищать свободный рынок и создавать условия, чтобы каждый мог использовать возможности, предоставляемые рыночным капитализмом.

Возвращаясь к результатам Вашего исследования, какие из них показали Вам наиболее неожиданными?

Когда мы завершали работу над книгой, я осознал гораздо глубже, насколько значительны различия между европейцами и американцами в отношении к бедности, идеологии и роли марксизма и как много эти различия объясняют. В начале работы я был склонен придавать большее значение экономическим факторам, институциональному устройству или расовой структуре и был удивлен, насколько важными оказались убеждения общества при объяснении государственной политики. Удивительно, насколько марксистское мировоззрение, коммунистическая и социалистическая идеологии распространены в Западной Европе. Хотя никто уже больше не называет себя коммунистом или даже социалистом, эти идеологии оказали чрезвычайное влияние на образ мышления западных европейцев — гораздо большее, чем в США, где никогда не было значительного социалистического движения. Все это может показаться очевидным, но до начала работы над книгой я не осознавал, насколько это важно. ■

Страна	Национальная черта бедности		Международная черта бедности		
	Год	Население за чертой бедности, %	Год	Население, живущее на менее \$1 в день, %	Население, живущее на менее \$2 в день, %
Китай	1998	4,6	2001	16,6	46,7
Грузия	1997	11,1	2001	2,7	15,7
Венгрия	1997	17,3	2002	<2	<2
Индия	1999—2000	28,6	1999—2000	35,3	80,6
Казахстан	1996	34,6	2003	<2	24,9
Россия	1994	30,9	2002	<2	7,5
Украина	1995	31,7	1999	2,9	45,7
Узбекистан	2000	27,5	2000	17,3	71,7

Источник: Всемирный банк, Отчет о мировом развитии 2005 г.

"Гуд бай", Ленин?

Влияние социализма на предпочтения людей относительно политики перераспределения

Альберто Алесина и Никола Фукс-Шундельн

Предпочтения относительно политики перераспределения существенно отличаются в разных странах. Являются ли изначальные предпочтения населения к перераспределению единственной причиной различия политических систем? Или же политические системы сами оказывают влияние на предпочтения? Пример послевоенной Германии позволяет проанализировать влияние социализма на предпочтения населения. Проведенный нами эмпирический анализ на основе более 18 000 наблюдений показывает значительное и продолжительное влияние социалистической системы на отношение к роли государства. Прежде чем предпочтения восточных и западных немцев станут похожими, должно смениться одно или два поколения.

С 1945 по 1990 г. Германия была разделена на две части по причинам, не имеющим никакого отношения к личным предпочтениям немцев, их желанию отделиться или различию взглядов. Так как политическая и экономическая системы в восточной и западной частях Германии одинаковы с момента объединения в 1990 г. и были одинаковыми до 1945 г., западные немцы могут служить значимой контрольной группой в сравнении с восточными немцами. Поэтому сопоставление различий во мнениях, убеждениях и политических предпочтениях относительно рыночного капитализма и роли государства после объединения страны может помочь выявить последствия 45 лет жизни при социализме.

Для анализа мы используем данные ежегодного панельного исследования домохозяйств в Германии (German Socio-Economic Panel): первичную выборку, сформированную в Западной Германии в 1984 г. (11 400 наблюдений), и подвыборку, охватывающую территорию бывшей ГДР (7 000 наблюдений) в 1997 и 2002 г. В оба года респондентов спрашивали об их предпочтениях относительно роли государства в разных сферах социального обеспечения: финансовой помощи семьям, безработным, пожилым, больным и нуждающимся в долговременном уходе. Два дополнительных вопроса были направлены на выявление мнения респондентов о роли возможных факторов, позволяющих достичь жизненного успеха: личных усилий человека или же удачи и/или социальных условий.

При анализе мы используем мнимую переменную, принимающую значение 1, если респондент проживал до объединения в ГДР, независимо от его текущего места жительства. Мы учитываем возраст, пол, семейное положение, занятость и род деятельности респондента, количество детей и количество взрослых членов домохозяйства, а также ежегодный доход домохозяйства.

Для полного сближения предпочтений относительно государственного вмешательства понадобится 20 — 40 лет

Наш анализ показывает, что восточные немцы в гораздо большей степени по сравнению с западными немцами склонны отдавать предпочтение государственному вмешательству, даже с учетом дохода домохозяйства. В 1997 г. факт проживания в восточной части Германии на 14 — 16 процентных пункта

увеличивал вероятность того, что респондент выскажется в пользу вмешательства государства.

Тем не менее с течением времени восточные немцы становятся меньшими сторонниками активной роли государства: в период между 1997 г. и 2002 г. вероятность предпочтения государственного вмешательства снизилась на 2,5 — 5,8 процентных пункта. Если предположить, что сближение происходит линейным образом, то, по нашим оценкам, понадобится 20 — 40 лет или смена одного или двух поколений, чтобы предпочтения восточных и западных немцев стали полностью неотличимы.

- *Влияние возрастного фактора.* На западе Германии, как и в США, чем старше население, тем меньше оно поддерживает активную роль государства. В восточной части Германии это происходит с точностью до наоборот. В количественном выражении воздействие возрастного фактора огромно. В то время как восточные немцы, рожденные после 1975 г., лишь на 3 — 11 процентных пункта более склонны высказываться в пользу государственного перераспределения доходов, чем западные немцы того же возраста, для респондентов, рожденных до 1945 г., эта разница возрастает до 21 — 49 процентных пунктов. Очевидное объяснение этих ярко выраженных возрастных различий восточных и западных немцев в том, что в то время как в Западной Германии с возрастом люди становятся меньшими сторонниками активной роли государства, в Восточной Германии этот эффект перекрывается большей длительностью жизни при социалистической системе.

- *Изменения во времени.* Является ли ослабление предпочтений относительно перераспределения, отмеченное у восточных немцев в период с 1997 г. по 2002 г., простым следствием изменения возрастного состава группы или же отражает изменения в личных предпочтениях? Включение в регрессионную модель только респондентов, отвечавших на вопросы как в 1997 г., так и в 2002 г., позволяет нам сделать вывод о том, что две трети сближения объясняются действительным изменением предпочтений, а около одной трети — изменением состава группы.

- *Влияние социализма: бедность или предпочтения?* Бедным больше, чем богатым, свойственно отдавать предпочтение государственному вмешательству. Тем не менее более низкий в среднем доход восточных немцев не объясняет полученных нами результатов: мы получаем похожие результаты, даже если включаем в анализ текущий доход домохозяйств, их предполагаемый доход или долю дохода домохозяйства, получаемую в настоящее время от государства. Однако помимо уровня личных доходов определенную роль может играть и совокупный доход: респонденты, проживающие в более бедных регионах, могут отдавать предпочтение государственному вмешательству из-за активного перераспределения доходов от богатых регионов к бедным. Включение в анализ среднедушевого дохода и уровня безработицы в регионе проживания, а также объем трансфертов, полученных или уплаченных регионом, показывает, что примерно треть "эффекта ГДР" объясняется тем, что ставшая более бедной в эпоху социализма восточная часть сейчас является чистым получателем перераспределенного дохода в Германии.

• *Миграция и предпочтения.* Восточные немцы, конечно же, не являются однородной группой: 7% в нашей выборке мигрировали на запад. Выявление различий внутри группы восточных немцев показало, что восточные немцы, живущие на западе, более склонны поддерживать государственное вмешательство, чем западные немцы, однако в два раза меньше, чем восточные немцы, продолжающие жить на востоке страны. Это может означать либо более быстрое сближение предпочтений восточных немцев, переехавших на запад, с предпочтениями западных немцев, либо "самоотбор" — эта группа могла изначально иметь более слабые предпочтения в отношении государственного вмешательства. Отметим, что средний возраст восточного немца, переехавшего на запад страны, составляет 34 года, а средний возраст восточного немца, продолжающего жить в восточной части, — 45 лет. Сближение предпочтений между 1997 г. и 2002 г. произошло благодаря восточным немцам, продолжающим жить на востоке страны. Предпочтения восточных немцев, переехавших на запад, не изменились значительно в период с 1997 г. по 2002 г. Существует несколько возможных объяснений этого феномена. Возможно, предпочтения восточных немцев, переехавших на запад, изначально сблизились с предпочтениями западных немцев и к 2002 г. достигли нового стабильного уровня. В этом случае не стоит ожидать полного сближения взглядов восточных немцев, продолжающих жить на востоке страны. С другой стороны, возможно, что восточные немцы, переехавшие на запад, не только имели другие предпочтения на момент переезда, но также что их предпочтения следуют иным закономерностям.

Почему бывшие восточные немцы отдают предпочтение государственному вмешательству?

Возможный ответ на этот вопрос заключается в том, что восточные немцы привыкли думать, в том числе под влиянием коммунистической идеологии, что бедность, безработица и нужда — это "вина общества". Следовательно, обязанность общества (т. е. государства) — решать эти проблемы.

Восточные немцы на 10 процентных пунктов чаще западных немцев склонны верить в важность социальных условий для личного успеха. Восточные немцы старшего поколения более, чем молодежь, склонны считать, что социальные условия — главный определяющий фактор личного успеха. Это следствие более длительной жизни при социализме. На западе влияние возрастного фактора противоположно, хотя и невелико. Кроме того, восточные немцы меньше западных верят в важность удачи. Другими словами, восточные немцы гораздо чаще, чем западные, полагают, что жизнь человека определяется социальными условиями, что является основным принципом марксистского мировоззрения. Тем не менее, даже с поправкой на мнения о важности социальных условий, бывшие восточные немцы больше, чем бывшие западные, верят в государственное вмешательство.

Выводы

Наш анализ показывает, что восточные немцы гораздо более, чем западные, склонны полагать, что государство должно нести ответственность за финансовую помощь различным уязвимым социальным группам: безработным, больным, пожилым, семьям с детьми и лицам, нуждающимся в уходе.

Как показывают полученные результаты, сменится одно-два поколения (20 — 40 лет), прежде чем средний восточный немец

будет иметь такие же взгляды на роль государства, как и средний немец с запада. На это повлияет сочетание двух факторов:

- уход из жизни старших возрастных групп и взросление поколения, рожденного после объединения Германии, что объясняет около одной трети сближения взглядов;
- действительные изменения в предпочтениях людей, что объясняют оставшиеся две трети сближения взглядов.

Наш анализ показал, что разница в предпочтениях восточных и западных немцев в основном является прямым следствием социалистической системы: идеологической обработки, например, через школы и телевидение, или навязчивого госсектора, к чему привыкло население. Косвенным следствием социалистической системы является сравнительно большая бедность Восточной Германии по сравнению с Западной и, следовательно, ее большая зависимость от перераспределения доходов.

Из всего изложенного следует, что политические последствия объединения Германии в 1990 г., возможно, были гораздо более глубокими и далеко идущими, чем всесторонне изученные экономические последствия. В бывшую Западную Германию с ее щедрой системой соцобеспечения, жестким регулированием рынка труда и товарных рынков — чрезмерным, по мнению многих, — влились дополнительные 25% населения, выступающего за еще более обширную роль государства. Это делает любые политические реформы, направленные на сокращение системы социального обеспечения, особенно трудными. Особым поводом для беспокойства это должно быть для тех, кто считает, что для улучшения экономических перспектив Германии необходимо проведение "структурных реформ".

Альберто Алесина (Alberto Alesina) — профессор политической экономики и декан экономического факультета Гарвардского университета. Никола Фукс-Шундельн (Nicola Fuchs-Schündeln) — профессор экономики Гарвардского университета. Полный текст исследования опубликован в серии научных работ Гарвардского института экономических исследований (Harvard Institute of Economic Research Discussion Paper). ■

Экономический рост, распределение доходов и бедность в переходный период в Польше

Пьерелла Пачи, Марцин Сасин и Йоз Вербек

Начало переходного периода в Польше в 1990 г. характеризовалось исключительно трудными экономическими условиями, включавшими высокий уровень инфляции, огромный внешний долг и большое количество убыточных предприятий. Многие предрекали кризис, утверждая, что предприятия не смогут справиться с рыночными условиями и это спровоцирует массовое банкротство и социальные волнения. Ничего подобного не случилось. Напротив, в Польше — единственной среди крупных стран с переходной экономикой — после первоначального падения производства происходил непрерывный экономический рост. Однако несмотря на положительные тенденции экономического роста, Польше удается снизить уровень бедности. Анализируя взаимосвязь между макроэкономическими показателями и переменными экономического роста, а также их влияние на бедность и распределение дохода, мы рекомендовали бы Польше сократить дефицит и объем государственного бюджета.

Хотя рекордный экономический рост Польши объясняется действием многих факторов, основной экономический фактор среди них — грамотное государственное регулирование в сфере макро- и микроэкономической политики. В своей основе это означало поддержание сочетания жестких бюджетных ограничений для предприятий, конкурентоспособного реального обменного курса и постприватизационной структуры управления, позволившей бизнесу, особенно малым и средним предприятиям, интенсивно расти. Сокращение бюджетного дефицита и контроль уровня государственного долга позволили Польше создать экономическую среду, которая благоприятствовала экономическому росту и позволила постепенно снизить инфляцию.

Однако в конце прошлого десятилетия экономическая среда заметно ухудшилась. Хотя во второй половине 2000 г. монетарная политика ужесточилась, в течение 2001 г. была значительно ослаблена фискальная политика. Это сочетание "жесткой монетарной и мягкой фискальной" политики снизило уровень инвестиций и ослабило эффект фискальной политики, потенциально направленный на стимулирование экономического роста.

Потеря экспортных рынков на восточном направлении в результате российского кризиса 1998 г., стоившая Польше около 3 процентных пунктов ВВП, дала начало новой волне реструктуризации предприятий, направленной на сокращение снижения доходности. Последующее повышение производительности произошло в основном за счет сокращения занятости. Это сокращение, наряду с возросшим количеством новой рабочей силы на рынке труда (вследствие всплеска рождаемости начала 1980-х гг.), привело к значительному увеличению безработицы. В декабре 2002 г. более 3,3 млн. человек (20% рабочей силы) не имели работы.

Отразился ли экономический рост на уровне бедности?

Высокие темпы роста с середины 1990-х гг. до 1998 г. (на уровне 5% и выше) способствовали сокращению бедности в Польше, что свидетельствует о наличии высокой степени зависимости уровня бедности от экономического роста. Однако начиная с 1999 г. эта взаимосвязь ослабела: бедность начала расти, несмотря на то что экономический рост сохранился на уровне 4%

в 1999 г. и 2000 г. и был умеренно-положительным и в дальнейшем (1%).

Во второй половине 1990-х гг. также устойчиво рос уровень неравенства. В 2002 г. коэффициент Джини по неравенству в уровне потребления составил 0,28, что является умеренно-высоким значением по сравнению с другими странами Центральной и Восточной Европы.

Если разложить изменение уровня бедности в Польше на составляющие экономического роста и неравенства, становится очевидным, что экономический рост был главной движущей силой сокращения бедности. Легко различимы два периода. В 1994—1998 гг., во время интенсивного экономического подъема в Польше, влияние экономического роста (5%) существенно перекрывало негативное влияние увеличения неравенства (-1%), что выразилось в общем сокращении бедности примерно на 4 процентных пункта. В последующий период 1998—2002 гг. сокращение средних объемов потребления, недостаточный экономический рост (всего 1%) и усиление неравенства вместе взятые привели к совокупному увеличению бедности примерно на 3 процентных пункта.

Что стоит за увеличением неравенства потребления?

Чтобы полностью оценить роль экономического роста в сокращении бедности, важно отметить, что показатели потребления домохозяйств были гораздо ниже, чем можно было ожидать на основании данных национальных счетов, и это отражено в ежегодном Исследовании бюджета домохозяйств (HBS), опубликованном Центральным статистическим бюро Польши. Это явление характерно не только для Польши и может быть объяснено необычайно высоким уровнем аккумуляции инвестиций в 1990-х гг., а также относительно высоким уровнем экспорта страны.

Изменения в неравенстве потребления могут быть результатом ряда факторов. Четыре важных фактора: изменения в структуре распределения первичного дохода; изменения в прогрессивности систем налогообложения и соцзащиты; изменения в распределении сбережений (которые здесь не анализируются в силу ограниченности данных); и изменения в относительных ценах потребительской корзины домохозяйств на различных этапах распределения дохода.

Изменения в структуре распределения первичного дохода (доход до уплаты налогов и социальные пособия, кроме пенсий по старости). С 1994 г. по 2002 г. неравенство первичного дохода, измеренное коэффициентом Джини, возросло примерно на 7%, с 0,38 в 1994 г. до 0,41 в 2002 г., и стало причиной роста коэффициента Джини в сфере потребления более чем в половину (13%). Увеличение было на удивление умеренным, если принять во внимание степень преобразований, произошедших в стране. Основной движущей силой, стоящей за этим увеличением, является рост неравенства доходов от трудовой деятельности.

Роль налогов и социальных выплат (которые могут оказывать влияние на распределение чистого дохода домохозяйств). Индекс концентрации налогов увеличился в 1994—2002 гг. на 32,8%, свидетельствуя о том, что налоговая нагрузка стала более концентрированной. В то же время система

социальных выплат устойчиво развивалась в интересах бедных. Это предполагает то, что с середины 1990-х гг. изменения в налоговой системе и в системе социальных выплат нейтрализовали увеличившееся неравенство первичных доходов, что в результате привело к гораздо более низкому росту неравенства чистых доходов (с 0,308 до 0,316). Тем не менее количество граждан, полагающихся на социальные пособия для преодоления бедности, стабильно росло после 1998 г., приблизившись

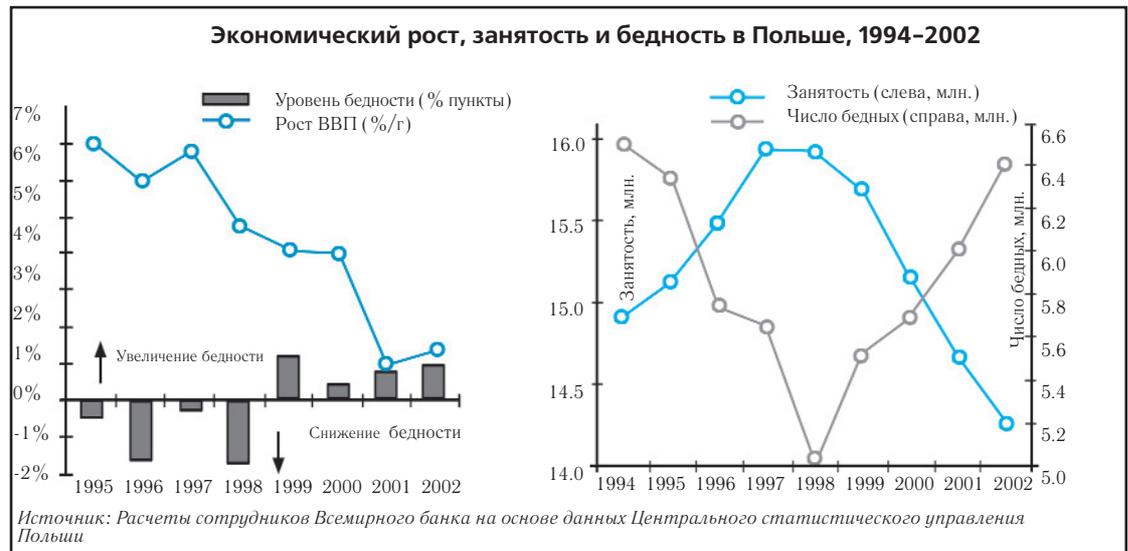
к 20% в 2002 г. Это означает, что численность населения, живущего за чертой бедности, была бы на 20 процентных пунктов выше, если бы в качестве подстраховки не присутствовала социальная поддержка. Несмотря на то что система социальных выплат (исключая пенсии по старости) оказывает прямое влияние на сокращение бедности, она крайне затратна и неэффективна. Менее половины социальных выплат идет на повышение потребления домохозяйств до уровня прожиточного минимума. Большая же часть этих средств (56%) не поступает наиболее нуждающимся.

Инфляция, колебания обменного курса и структура расходов. Структура продовольственных и непродовольственных расходов изменилась между 1998 г. и 2002 г.; при этом каждая из групп потребителей с различным уровнем дохода в 2002 г. тратила на продукты меньше, чем в 1998 г. В этот период индекс цен на продукты питания изменился на 15 процентных пунктов меньше по сравнению с общим индексом потребительских цен, свидетельствуя о сокращении ежедневных расходов на необходимые продукты питания. Укрепление злота во второй части этого периода позволило всем группам потребителей расходовать меньше на предметы ежедневного обихода и больше на товары длительного пользования, что свидетельствовало о том, что эффект дохода доминировал над эффектом замещения.

Рекомендации по мерам экономической политики

- Экономическая стабильность — ключевой элемент среды, способствующей экономическому росту, и, следовательно, основа любой успешной стратегии снижения бедности. Чтобы предотвратить очередное появление экономического дисбаланса, монетарные послабления, имевшие место с 2000 г., должны быть дополнены консолидацией бюджета и сокращением общего дефицита. Параллельное сокращение размера госбюджета создало бы большее пространство для развития частного сектора.

- Чтобы экономический рост вел к сокращению бедности, должна быть значительно укреплена связь между экономическим развитием и совершенствованием рынка труда. В краткосрочной и среднесрочной перспективе это предполагает сокращение социальных отчислений работодателей и увеличение гибкости рынка труда. В более долгосрочной перспективе необходимы меры, направленные на преодоление несоответствия спроса и предложе-

ния на рынке труда, что означает стремление к увеличению инвестиций в человеческий капитал и образование.

- Фискальная политика работает наилучшим образом, если она ориентирована на бедных. Налоговый компонент фискальной политики, по всей видимости, играет стабилизирующую роль. Любые изменения системы в целях улучшения степени ее воздействия на уровень бедности должны быть тщательно продуманы, чтобы не вызвать дальнейшего увеличения диспропорций и общей налоговой нагрузки. Исключение налоговых освобождений и общее снижение начислений на заработную плату, по меньшей мере, нейтральным для бюджета образом можно рекомендовать в качестве выполнимых мер.

- Хотя система социальных выплат в Польше играет важную роль в сокращении бедности, она более чем затратна и неэффективна. Повышение целевой направленности социальных трансфертов является первостепенной необходимостью. Неадекватное определение целевых групп не только оставляет многих нуждающихся без помощи государства, но также ведет к снижению стимулов работать и возлагает значительное финансовое бремя на государство.

- Как было наглядно продемонстрировано, польское общество все еще претерпевает процесс изменения. Польская экономика растет, но в то же время становится все более поляризованной. Поэтому необходим хороший социальный мониторинг и мониторинг бедности, не ограничивающиеся общим подходом и применяющие более комплексные аналитические инструменты, такие как различные методы декомпозиции, оценка влияния экономического роста и социальных выплат на вероятность попадания в категорию бедных и т. д. Такой мониторинг может дать обществу и политикам лучшее понимание происходящих в обществе изменений, а также какие группы выигрывают и проигрывают от этих изменений. Предварительная оценка влияния социальных программ на распределение доходов и уровень бедности до начала их воплощения могла бы стать ценным инструментом экономической политики.

Пьерелла Пачи (Pierella Paci) — ведущий экономист департамента региона Европы и Центральной Азии Всемирного банка; Марцин Сасин (Marcin J. Sasin) — экономист департамента и Йоз Вербек (Jos Verbeek) — ведущий экономист по региону Африки Всемирного банка. Полный текст работы: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=643241 ■

Латинская Америка в 1980 — 2005 гг.: институциональное устройство, экономический рост и бедность

Альваро Гарсия

Несмотря на обещания демократических правительств стран Латинской Америки провести реформы, обеспечивающие "справедливый" экономический рост, результаты этих реформ оказались довольно скромными. С 1980-х гг. темпы экономического роста латиноамериканских стран были ниже, чем в других странах, а доля бедного населения и неравенство возросли. Что не было учтено в планах реформ? Анализ неудач и ошибок, а также историй успеха по сокращению бедности в Чили и Бразилии, проведенный автором, позволяет сделать вывод о том, что экономические и социально-политические реформы должны проводиться одновременно. В частности, больше внимания необходимо уделять созданию и укреплению институтов, отвечающих за вопросы распределения.

За последнюю четверть века в Латинской Америке произошли важные политические и экономические перемены. 1980-е гг., которые из-за плохих социально-экономических показателей получили название "потерянное десятилетие", несомненно, имели важное политическое значение, поскольку ослабили авторитарные режимы того времени (до 1980 г. только три из 18 стран имели демократическое устройство). К началу 1990-х гг. все страны установили демократические политические системы и вновь избранные правительства выступили с обещаниями экономических реформ, которые обеспечили бы экономический рост для всех слоев населения. Так называемые "экономические реформы первого поколения" были направлены на стимулирование конкуренции на национальном и международном уровне путем сокращения торговых барьеров и бюджетного дефицита, борьбы с инфляцией, либерализации цен, снятия кредитных ограничений, приватизации и сокращения государственного вмешательства.

Однако результаты проведенных экономических реформ не оправдали ожиданий. Хотя в течение двух предыдущих десятилетий экономика латиноамериканских стран стабильно росла примерно на 5% в год, в 1980-е гг. среднегодовые темпы экономического роста упали до 1,3% и, после роста до 3,3% в 1990-е гг., вновь снизились до 1,5% в 2000—2003 гг. Начиная с 1980 г. латиноамериканская экономика росла вдвое медленнее, чем в остальных странах.

Социальные последствия были еще хуже. Согласно данным Экономической комиссии по Латинской Америке и странам Карибского бассейна (CEPAL), в 2004 г. 42,9% латиноамериканского населения жило за чертой бедности, что больше, чем в 1980 г. (40,5%). Доля бедного населения увеличивалась в течение всего периода, по мере того как распределение доходов становилось более концентрированным. В период с 1970-х по 1990-е гг. коэффициент Джини вырос с 0,48 до 0,52 и остается гораздо более высоким, чем на других континентах, за исключением Африки.

Неуспех реформ уменьшил поддержку демократии

Несмотря на то что экономические реформы "первого поколения" были широкими и болезненными, изначально они получили широкую поддержку со стороны населения. Но так как они не при-

вели к увеличению экономического роста и не сократили бедность, поддержка как самих реформ, так и осуществлявших их правительств пошла на убыль. К сожалению, растущая бедность и неравенство уменьшили веру в демократические институты: правительство, судебную систему, конгресс и политические партии. Между 1996 г. и 2004 г. доля населения, поддерживающего демократию, снизилась с 61% до 52% (согласно "Latinbarometro 2004, Una decada de mediciones"). По мнению населения, худшими проблемами демократии были бедность и неравенство. Многие считали, что страной управляют богатые и влиятельные люди, которые используют власть в своих интересах. Это означало, что многие демократические правительства дискредитировали себя в глазах населения.

Почему реформы 1980-х гг. не смогли сократить бедность?

Недавнее исследование Всемирного банка (2005 г.) предлагает некоторые объяснения в ответ на этот вопрос. Во-первых, реформы не коснулись рынка труда — наиболее важной сферы применительно к распределению дохода. Во-вторых, реформы оказали очень незначительное влияние на экономический рост. Например, резкое сокращение инфляции в Бразилии (на 60 процентных пунктов) увеличило темп роста всего лишь на 0,2% в год. К этому, вероятно, прибавилось действие внешних потрясений 1990-х гг. (кризисы в Мексике, Аргентине и Азии). Кроме того, колебания темпов роста увеличились с растущей глобализацией, и Латинская Америка не смогла с этим справиться.

Вторая причина состоит в том, что реформы были не достаточно глубокими, особенно в создании и укреплении институтов, отвечающих за гласность и подотчетность, политическую стабильность, эффективность правительства, качество законодательства, соблюдение законов, контроль за коррупцией и экономические свободы. Корбо и др. (2005 г.) показывают, что, если бы все латиноамериканские страны в результате реформ имели институциональное устройство, подобное чилийскому, ежегодные темпы роста ВВП на душу населения были бы на 1,6 процентных пункта выше. А если бы качество институтов было таким же, как в Финляндии, темпы роста на душу населения были бы выше на 2,3 процентных пункта.

Эти выводы сопоставимы с результатами исследований Родрика (1999), которые демонстрируют, что латиноамериканские страны медленнее, чем остальной мир, оправлялись от внешних потрясений из-за слабости институционального устройства, и особенно из-за неспособности институтов справляться с последствиями влияния этих потрясений на систему распределения. Это, в свою очередь, создает политическую и экономическую нестабильность и препятствует преодолению последствий потрясений.

Уроки успешных стран

Бразилия и Чили — две латиноамериканские страны, дальше всех продвинувшиеся на пути борьбы с бедностью. В Бразилии доля населения, живущего за чертой бедности, снизилась с 41,4%

в 1990 г. до 29,9% в 2001 г., а в Чили — с 33,3% в 1990 г. до 18,8% в 2003 г.

Хотя успех Бразилии и Чили в сокращении бедности впечатляет, их темпы экономического роста очень различны. В Бразилии ВВП на душу населения практически не вырос, а в Чили рост был довольно значительным (4,1% в 1990-е гг. и 2,1% в 2000—2003гг.). Это позволило Чили на 30% сократить разрыв в ВВП на душу населения по сравнению с развитыми странами. Исследование Аттанасио и Шекели (2001) показало, что в Чили около 85% сокращения бедности произошло благодаря экономическому росту, в то время как в Бразилии 70% снижения объясняется перераспределением дохода. Обе страны осуществили глубокие институциональные преобразования, при этом Чили сосредоточилась на развитии финансовых и экономических институтов, а Бразилия — на социальных реформах.

Успешное сокращение бедности также оказало положительное влияние на политический климат — и бразильцы, и чилийцы уверенно поддерживают демократические правительства и президентов (последних поддерживают свыше 70%). Тем не менее, хотя поддержка демократии растет в Чили (с 54% в 1996 г. до 57% в 2004 г.), она снижается в Бразилии (с 50% до 41,5% за тот же период). Очевидно, что в плане политической поддержки экономический рост в сочетании с сокращением бедности приносит больше дивидендов, чем перераспределение в сочетании с сокращением бедности. Однако ни один из этих подходов сам по себе не достаточен для обеспечения устойчивой политической поддержки: мнение, что правительство работает в интересах богатых, все еще широко распространено в обеих странах, но выше в Чили (70%), чем в Бразилии (65%).

Одновременное достижение двух взаимодополняемых целей — экономического роста и перераспределения дохода — представляется трудной задачей. Исследование Корния (2005 г.) показывает, что высокий уровень неравенства, при коэффициенте Джини свыше 0,45, сдерживает рост. Более того, достижение обеих целей означало бы выполнение политических обещаний "справедливого" экономического роста в интересах всех слоев населения, данных правительствами всех латиноамериканских стран еще в 1990-е гг. Их невыполнение остается основной причиной разочарования населения.

Очевидный вывод данного анализа состоит в следующем: экономические и социально-политические реформы должны проводиться параллельно. В частности, нужно уделить больше внимания построению и/или укреплению институтов, занимающихся вопросами перераспределения. Неслучайно три страны с самым

низким уровнем бедности (Уругвай, Чили и Коста-Рика) также имеют наиболее сильные институты (Кауфманн и др., 2003 г.). Бразилия занимает четвертое место по уровню бедности и пятое — по уровню развития институтов.

Ключевая роль социальных реформ

Самая трудная задача для реформаторов — создать или коренным образом трансформировать важные институты рынка труда и социального обеспечения. Это включает создание системы страхования от безработицы, расширение социального обеспечения и обучения работников, принятие изменений в трудовое и социальное законодательство, установление трудовых нормативов и их соблюдение. Эти задачи — ключевые для решения проблем перераспределения, особенно принимаемая во внимание неустойчивый экономический рост Латинской Америки за последние 25 лет. Достаточное финансирование — абсолютно необходимое условие успешной реформы институтов занятости, как и реформа налогообложения. Ключевой проблемой является снижение высокого уровня уклонения от уплаты налогов, и если правильно подойти к решению вопроса, это может одновременно и увеличить доходы правительства, и снизить налоги. Другим важным областям, таким как образование, уже уделяется гораздо больше внимания.

Реформы рынка труда и налогообложения относятся к числу наиболее политически сложных, и, возможно, поэтому их проведение откладывается. Для содействия этому процессу может быть очень полезно создание постоянной площадки для социального диалога, как например, социально-экономический совет. Через это прошли почти все страны, успешно сочетавшие экономический рост и распределительную политику в недавние десятилетия.

Экономический рост, политика распределения и сильные демократические институты — необходимые условия для реального сокращения бедности в Латинской Америке. Для достижения этих взаимодополняющих целей необходимо уделить более пристальное внимание развитию институционального устройства, а также охватить более широкий спектр областей, нежели тот, на который были нацелены "реформы первого поколения" в Латинской Америке. Важнейшими являются институты, которые дают возможность правительствам решать серьезные долгосрочные проблемы системы распределения доходов.

Альваро Гарсия (Alvaro Garcia) — посол Чили в Швеции, бывший министр экономики и Аппарата президента Чили. Статья написана специально для ВТ. ■

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, в годах	Младенческая смертность (на 1 000 живых младенцев)	Страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, в годах	Младенческая смертность (на 1 000 живых младенцев)
Армения	74,98	30	Латвия	70,69	10
Беларусь	68,17	13	Молдова	67,02	26
Бразилия	68,72	33	Польша	74,6	6
Чили	76,44	8	Румыния	70,09	18
Китай	70,8	30	Россия	65,7	16
Хорватия	73,99	6	Словакия	73,39	7
Чешская Республика	75,17	3,9	Словения	76,09	4
Эстония	71,18	8	Турция	68,64	33
Грузия	73,47	41	Украина	68,29	15
Казахстан	61,32	63	Узбекистан	66,68	57

Источник: Всемирный банк, Отчет о мировом развитии 2005 г.

Микрокредитование социально уязвимых групп: результаты исследования ПРООН

Андрей Иванов

Бедность и высокий уровень безработицы социально уязвимых групп населения, например, цыган, является причиной их зависимости от социального обеспечения и других государственных пособий. Чтобы вырваться из замкнутого круга нищеты и безработицы, они могли бы заняться мелким производством, фермерством или торговлей. Необходимый для этого доступ к финансовым ресурсам был уже предложен несколькими организациями. Однако недавнее исследование Программы развития ООН показывает, что программы по упрощению доступа к микрофинансированию пока никак не помогли цыганскому населению. В идеале микрокредиты должны стать частью комплексной программы поддержки, которые включают обучение и другие услуги.

Бедные группы населения, как правило, не имеют доступа к официальным кредитным организациям по причине высоких временных и денежных затрат, бюрократизма, требований по залоговому обеспечению, а также из-за нежелания этих организаций обслуживать микрокредиты для бедных слоев населения. Бедные могут получать кредиты от неформальных кредиторов, но в этих случаях процентные ставки непомерно высоки, а сами кредиторы зачастую связаны с организованной преступностью.

Для коммерческого банка микрокредитование не является привлекательным по целому ряду причин. Во-первых, небольшие ссуды дороже с точки зрения их обслуживания и приносят меньшую доходность. Во-вторых, социально уязвимым группам, особенно бедным, трудно представить залоговое обеспечение по кредиту. В-третьих, мелкие предприниматели часто не выполняют строгих требований финансовой отчетности, что осложняет банкам оценку кредитной надежности заемщика. В-четвертых, микро- и мелкие предприниматели, включая представителей бедных слоев населения, не имеют опыта и способностей для написания бизнес-плана, который необходим для предоставления банковского кредита. В результате как банки, так и микропредприниматели имеют веские причины избегать друг друга.

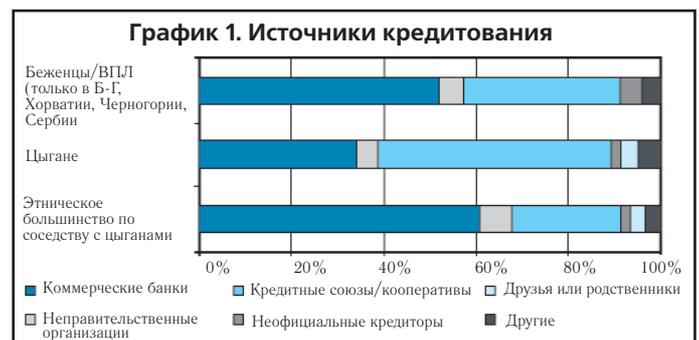
Тем не менее социально уязвимые группы пользуются кредитами. В целях выявления возможностей в сфере микрокредитования и трудностей, с которыми сталкиваются представители цыганских меньшинств при получении кредитов, Программа развития ООН (ПРООН) посвятила отдельную главу теме доступа к капиталу в своём недавнем масштабном исследовании социально уязвимых групп в странах Юго-Восточной Европы. Исследование охватывает все страны региона и разделяет респондентов на три основные группы: цыганские меньшинства, беженцы/внутренне перемещённые лица (ВПЛ) в тех странах, где эта категория присутствует, и этническое большинство, проживающее в непосредственной близости от цыганского населения. Исследование проводилось в ноябре 2004 г. в Албании, Боснии и Герцеговине, Болгарии, Хорватии, Македонии, Румынии, Сербии и Черногории (с отдельными выборками по Сербии, Черногории и Косово). Всего в нем участвовало 8 273 домохозяйств, из которых представители цыганских меньшинств и основное население, проживающее к ним в непосредственной близости, составили примерно по 43%, а остальные 14,5% пришлось на долю беженцев и внутренне перемещённых лиц. Были составлены индивидуальные параметры

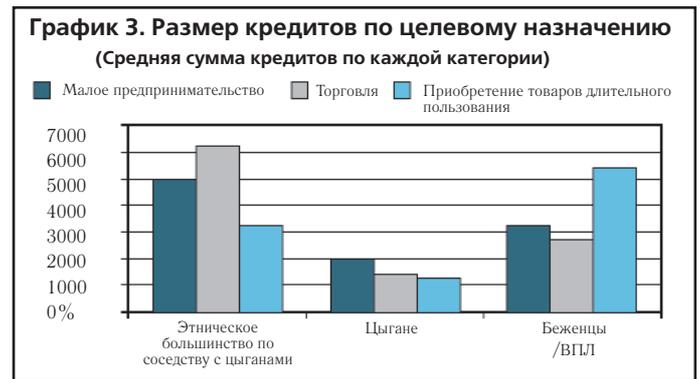
34 116 членов домохозяйств. Цыгане были выделены в отдельную группу в целях изучения вопроса, в какой степени ограниченный доступ к кредитам вызван этнической дискриминацией, а в какой — депрессивным состоянием местной экономики.

У цыган и беженцев меньше доступа к банковским кредитам

Результаты исследования показывают, что три основных фактора, ограничивающих доступ к капиталу, — отсутствие залога, кредитной истории и навыков, — более характерны для цыганского меньшинства и беженцев/ВПЛ, чем для представителей этнического большинства, проживающих в непосредственной близости от цыган. Данные показывают, что цыгане, ВПЛ и беженцы в странах Юго-Восточной Европы имеют существенно меньше возможностей для получения официальных банковских кредитов, нежели представители этнического большинства, проживающие на той же территории. Из обследованных 3 537 домохозяйств, представлявших этническое большинство, 910 (26%) заявили, что они пользовались тем или иным кредитом. Для сравнения: только 15% из 3 534 цыганских домохозяйств и 19% из 1 202 домохозяйств ВПЛ ответили на вопрос утвердительно. На Графике 1 показаны источники кредитования трех рассматриваемых групп. Цыгане в большей степени опираются на неформальные займы у друзей и членов семьи и реже всех принимают участие в деятельности кредитных кооперативов или кредитных союзов, что еще более ограничивает их доступ к микрофинансированию.

Примеры из других проектов в регионе подтверждают выводы исследования. Цыганские меньшинства действительно практически не имеют доступа к официальным каналам поддержки бизнеса. Так, в 2000 г. в Болгарии ПРООН начала внедрение схемы кредитования в рамках программы "Рабочие места через поддержку бизнеса" (JOBS). В рамках этой кредитной схемы 567 микро- и малым предприятиям, производящим продукты питания, мебель, сельскохозяйственную и швейную продукцию, а также работающим в сфере услуг, было выдано микрокредитов и мелких займов на общую сумму \$3.788.233. Процентная ставка составляет общенациональную процентную ставку плюс 10 процентных пунктов (в настоящий момент 12,36%). Ставка для безработных более низкая — всего 5 процентных пунктов сверх общенациональной ставки, т. е. 7,36%. К началу ноября 2004 г. 111 кредитов на об-

щую сумму \$740 636 были погашены. Портфель рискованных кредитов (с просрочкой погашения более 30 дней) составил 2,78%, а дефолт по кредитам не превысил 1%. Проблема в том, что только 2,12% от общего числа заемщиков были представителями цыганского меньшинства (2,23 % общей суммы кредитов), а 20,28% — женщинами (16,05% общей суммы кредитов).

Данные результаты свидетельствуют о том, что хотя цыган непропорционально больше среди безработных по сравнению с другими группами населения, они гораздо реже выступают заемщиками, даже в проектах, специально предназначенных облегчить доступ к микрокредитованию. Результаты исследований подвергают сомнению способность проектов, ориентированных на поддержку малого бизнеса, решать проблемы безработицы среди цыганского населения.

Примеры других стран подтверждают, что цыганское население берет меньше кредитов, чем другие группы. В чем особенность этой группы? Возможно, ответ связан с тем, что цыгане являются членами обществ "развитого мира", однако живут в бедных районах "третьего мира". В менее развитом обществе небольшой кредит может в гораздо большей мере способствовать улучшению экономической ситуации человека и повышению эффективности производства. Однако цыгане живут в развитых странах, в которых кредит на несколько сот долларов — не более чем потребительский кредит. В лучшем случае его можно использовать для мелких торговых операций с незначительной добавочной стоимостью.

В основном кредиты цыганскому населению, в отличие от этнического большинства и ВПЛ/беженцев, — это микро- или небольшие кредиты, что является и причиной, и следствием ограниченности возможностей в бизнесе. Средняя величина кредитов, получаемых цыганским населением, составляет 706,5 евро, тогда как для этнического большинства эта сумма равна 2729,3 евро, а для ВПЛ/беженцев — 2629,2 евро.

Из-за различных барьеров для входа на рынок в силу слабой конкурентоспособности и дискриминации цыганам трудно получать доходы от бизнеса, достаточные для погашения кредитов. Обычно цыгане могут претендовать на кредиты для открытия бизнеса в ремесленном производстве, торговле или натуральном сельском хозяйстве, однако эти виды деятельности редко пользуются значительным спросом и не приносят достаточного дохода для погашения кредита.

Данные исследования подтверждают эти выводы. Как показывает График 2, цыгане берут небольшие кредиты на личные цели, например, чтобы покрыть неожиданные расходы на лечение, а также на решение семейных вопросов, например, празднование свадьбы. Все это не имеет отношения к предпринимательству и не генерирует какой-либо доход, необходимый для погашения займа.

Данные также свидетельствуют о том, что цыгане меньше всех пользуются кредитами на приобретение товаров длительного пользования, к примеру, небольшого оборудования, которое могло бы увеличить эффективность производства. Таким образом, кредиты цыганского населения в основном идут на непроизводительные цели.

График 2 также показывает, что доля кредитов на цели предпринимательства в общей сумме займов примерно одинаковая в каждой группе. Однако это не совсем так. На Графике 3, иллюстрирующем распределение кредитов по размеру для каждой из трех целей, четко видно, что кредиты, получаемые цыганским населением, достаточны лишь для финансирования текущего потребления.

Результаты исследования совпадают с эмпирическими выводами других проектов ПРООН. Специальная программа для цыганского меньшинства в северо-восточной Словакии служит иллюстрацией трудностей, с которыми сталкиваются цыгане. Комплексный региональный проект "Your Spis", который финансирует образовательные программы, учебные и иные мероприятия по развитию цыганской общины, осуществляется уже в течение трех лет в восьми (с 2004 г. в 13) муниципалитетах. На блок программы по микрокредитованию для желающих начать свое дело и получить экономическую независимость было выделено \$50 000. Средняя сумма кредита составила \$800 при ставке 10% годовых, выплачиваемых ежемесячно. Несмотря на льготные условия, к концу 2004 г. были утверждены и предоставлены только 10 кредитов. Целевая группа не проявила большого интереса к программе. Главная причина, которая называлась, — сложная экономическая ситуация и недостаточная уверенность заемщиков в успешности их будущей предпринимательской деятельности.

Выводы

Несмотря на то что микрокредитование повсеместно считается эффективным средством борьбы с бедностью, в отношении цыганского меньшинства оно не стало пока эффективным. Ограниченный доступ к микрокредитам — и причина, и следствие бедности цыганского населения. Мы считаем, что микрокредитование само по себе не может и не должно считаться отправной точкой для борьбы с бедностью среди цыган. Однако в рамках более широкого подхода, включающего обучение и другие услуги, предоставляемые бизнес-инкубаторами и другими организациями по поддержке малого предпринимательства, микрокредитование может способствовать снижению уровня бедности.

Андрей Иванов — консультант по вопросам развития человеческих ресурсов Братиславского регионального центра ПРООН. ■

Искажения на рынке труда, неравенство города и села и открытость китайской экономики

Томас Хертел, Фэн Жай

Как повлияет дальнейшее повышение открытости китайской экономики на существующее неравенство между городом и селом? Ответ на этот вопрос зависит, в частности, от работы факторных рынков, в особенности рынка труда. Наше исследование показывает, что вступление Китая в ВТО, при условии одновременного проведения реформ на факторных рынках, не должно вызвать рост разрыва в доходах различных слоев населения, а наоборот, будет способствовать повышению эффективности экономики и равенства доходов.

По оценке Всемирного банка, в настоящее время в Китае разрыв между доходами сельского и городского населения чрезвычайно велик по международным стандартам — почти три к одному. Это, в частности, связано с тем, что, пытаясь сменить место жительства, китайцы сталкиваются с различными препятствиями, главное из которых — действующая в городах система регистрации (*хукоу*), а полноценный земельный рынок отсутствует. В результате миграция из сельской местности в города, затрагивающая 19% трудовых ресурсов аграрных районов, или почти 90 млн. человек, в основном является временной.

Вступление Китая в ВТО усилило обеспокоенность по поводу растущего неравенства между городским и сельским населением страны. В большинстве аналитических работ говорится, что результатом вступления в ВТО станет увеличение неравенства, поскольку будут сняты некоторые ограничения на импорт зерна, а возможности для производителей экспортной продукции и иностранных инвесторов в городской сфере услуг, напротив, возрастут. Однако степень влияния перечисленных факторов на существующее неравенство будет зависеть от того, насколько беспрепятственно трудовые ресурсы из аграрных районов смогут перемещаться в быстро развивающиеся городские и прибрежные экономические зоны. Кроме того, повышение мобильности трудовых ресурсов Китая обеспечит доступ к выгодам от вступления страны в ВТО более широким слоям населения.

В настоящее время в Китае основным фактором, ограничивающим миграцию на постоянное место жительства, является система регистрации граждан. В соответствии с ней, для легального проживания в городе семья должна иметь регистрацию. Получить жилье и образование без наличия регистрации довольно сложно и дорого. И если высококвалифицированные специалисты и инвесторы, как правило, могут купить "синюю печать", то для подавляющего большинства сельских жителей это невозможно. Другой ограничивающий миграцию фактор — отсутствие полноценного земельного рынка, который позволил бы землевладельцам сдавать свои участки в аренду и переезжать в город, если бы они сочли городские заработки более привлекательными.

Используя последние данные Национального бюро статистики Китая, мы разрабатываем модель общего равновесия экономики страны (CGE), в которую включены отдельные домохозяйства как в городах, так и в сельской местности. Это позволяет нам оценить потенциальное взаимовлияние продолжающейся реформы товарных рынков и предполагаемых реформ факторных рынков.

Сценарий вступления Китая в ВТО в нашей модели предполагает постепенное сокращение импортных тарифов, введение квот

на основные сельскохозяйственные товары (рис, пшеница, хлопок и т. д.), поэтапное снятие квот на текстиль и одежду, сокращение бюрократических барьеров в сфере услуг, а также быстрый подъем автопромышленности в результате модернизации производства. Последняя будет развиваться благодаря возросшим иностранным инвестициям и конкуренции с импортом автомобилей из других стран.

Реформы факторных рынков способствуют росту миграции

Результаты моделирования показывают, что отмена системы регистрации граждан по месту жительства и создание полноценного земельного рынка привели бы к росту миграции трудовых ресурсов из малоэффективного сельскохозяйственного сектора в более эффективный несельскохозяйственный и, следовательно, из аграрных районов в промышленные.

- *Земельная реформа* будет способствовать постоянной миграции сельского населения в промышленные районы без экономических потерь, которые имели бы место, если бы переезжающие семьи утрачивали права на свои земельные участки. Право на продажу или сдачу земли в аренду позволит сельскому населению выбирать между фермерством и другой работой, руководствуясь только уровнем отдачи от вложенного труда. По нашим оценкам, в результате 10,7 млн. человек могут уйти из сельского хозяйства, пополнив несельскохозяйственный рынок труда в аграрных районах, а он, в свою очередь, даст дополнительные 7,9 млн. временных мигрантов в городской сектор.

- *Реформа рынка труда.* Мы рассматриваем влияние системы регистрации на экономические показатели через распределение транзакционных издержек, которые выражаются в финансовых затратах, ложащихся на плечи временных мигрантов из села в город. Мы полагаем, что этих издержек можно избежать, если предоставить сельчанам возможность беспрепятственно переезжать в промышленные районы на постоянное

место жительства. При указанном условии миграция трудовых ресурсов из сельских районов в города вырастет до 26,8 млн. человек.

- *Совокупный валовой внутренний продукт и экономическое благосостояние* повысятся при реформах обоих факторных рынков на 2,1% и 1,8%, соответственно. Это произойдет вследствие того, что реформы приведут к перемещению трудовых ресурсов из секторов экономики с относительно низкой производительностью труда в области более эффективной экономической деятельности.

- *Неравенство между сельским и городским населением*, измеряемое как соотношение доходов сельских и городских жителей, уменьшится с нынешних 2,59 до 2,27 в 2007 г. Национальный коэффициент Джини также снизится, поскольку рост миграции вызовет рост заработной платы в сельских районах и снижение доходов в городах, особенно для неквалифицированной рабочей силы.

Вступление в ВТО + реформирование факторных рынков = повышение эффективности экономики

Вступление Китая в ВТО в сочетании с реформами факторных рынков принесет следующие результаты:

- Повышение заработной платы квалифицированных рабочих относительно неквалифицированных. Этот прирост происходит в результате расширения промышленности и сектора услуг за счет сельского хозяйства.

- Уход из сельского хозяйства дополнительно 1,3 млн. человек.

- Дальнейший рост валового внутреннего продукта на 0,5% и благосостояния населения на 0,6%.

- Большой выигрыш для городских семей и несколько меньший для сельских, чем при вступлении в ВТО без реформирования факторных рынков.

- Значительное снижение неравенства городских и сельских жителей, несмотря на небольшое изменение соотношения их доходов.

Выводы

Среди различных реформ факторных и товарных рынков, рассмотренных в данной работе, реформа системы регистрации, по нашему мнению, наиболее существенным образом может повлиять на общую деловую активность, а также на распределение доходов. И если реформа земельного рынка прежде всего принесет выгоду крестьянским хозяйствам, то устранение ограничений на регистрацию выгодно сельским жителям, выезжающим в настоящее время на временную работу в города. Путем снижения скрытого налога на временных мигрантов реформа системы регистрации приведет к повышению их благосостояния и внесет свой вклад в рост перемещения трудовых ресурсов из сельской местности в города.

Вступление Китая в ВТО с одновременным реформированием рынка труда принесет существенную часть совокупных выгод в виде перемещения трудовых ресурсов из сельского хозяйства в относительно более эффективные сектора промышленности и услуг. Реформы рынка труда сокращают разницу в производительности различных секторов экономики и позволяют равномерно распределить выгоды от вступления страны в ВТО. При рассмотрении в совокупности, однако, становится очевидным, что выгоды для китайской экономики от проведения этих реформ будет намного больше, чем просто от вступления страны в ВТО. Кроме того, присоединение к ВТО и одновременное реформирование рынка заметно снизят неравенство между городским и сельским населением. Это важный результат для страны, в которой на сегодняшний день зафиксирован беспрецедентный уровень неравенства между городским и сельским населением.

Томас Хертел (Thomas Hertel) — профессор и руководитель Центра исследований мировой торговли Университета Пердью, США. Фэн Жай (Fan Zhai) — экономист отдела экономических исследований Азиатского банка развития в Маниле, Филиппины. Полный текст работы доступен по адресу: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=625332 ■

Городская бедность в России и социальная помощь городским бедным

Анастасия Александрова, Елена Гришина

В 2003 г. 62,7% населения России проживало в городской местности. Какие факторы влияют на благосостояние городских жителей и каковы социальные риски в городской среде? Какие социальные программы, направленные на поддержку горожан, могут принести наибольшие результаты?

Высокий уровень урбанизации неоднозначно сказался на благосостоянии граждан в период экономических трансформаций и, в отличие от других стран Восточной Европы, городская бедность в России не менее остра, чем сельская. Так, по данным 10-го раунда РМЭЗ, наибольшая доля бедных проживает в городах, не являющихся столицами: там проживают 56% 1-го квинтиля по доходам (т. е. 56% нижних 20% по шкале благосостояния) и 60% 2-го квинтиля, что почти в два раза больше, чем

в сельских районах (в столицах доли бедных — всего 5% и 9%, соответственно).

"Образ" городских домашних хозяйств получен нами на основе данных о социальном и демографическом составе домохозяйств, их потреблении и месте проживания из подвыборки городского населения Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС), проведенного Госкомстатом России в 2003 г.

Образование. Довольно высокая доля — четверть взрослого населения городов имеет высшее образование, однако самой многочисленной группой оказались лица со средним профессиональным образованием (38,5%).

Занятость. Среди взрослой части выборки работают 53,6%; на пенсии — 27,6%. Из работающих абсолютное большинство рабо-

тает по найму в организациях и на предприятиях — 84,30%, а владельцы фирм и предприниматели всего около 3% работающих. Структура занятости обнаруживает неожиданное значительное смещение в сторону государственного и муниципального сектора (47,9% и 14,9%, соответственно) по сравнению с занятостью в частных фирмах (26,7%), что существенно отличается от средних по стране данных Госкомстата, согласно которым на государственных и муниципальных предприятиях работают 36,8% населения, на частных предприятиях — 51,8%. Доля безработных по критериям МОТ составила 4% трудоспособного населения, причем в областных центрах доля безработных ниже, чем в прочих городах: 3,0% против 4,7%.

Доходы. Доходы городских домашних хозяйств складываются в основном из заработной платы (основной первый источник дохода для 67,1%) и пенсий (27,8%). В то же время различные пособия, субсидии, компенсации и льготы указываются в качестве одного из основных, хотя и не первого, источника доходов. Чтобы жить "очень хорошо и ни в чем себе не отказывать", домохозяйствам, по их мнению, необходимо в среднем 19 768 руб. на человека (около \$700), а чтобы жить "удовлетворительно" — 5 356 руб. (около \$190). Представления горожан об удовлетворительном уровне потребления сильно отличаются от величины прожиточного минимума по России — 2 137 руб. (около \$76) и назначенных пенсий — 1637 руб. (около \$58).

Горожане достаточно активны в использовании своих прав на льготы. В областных центрах наиболее распространенными льготами являются бесплатный проезд на транспорте — им пользуется 26,1% (17,4% в прочих городах) горожан и скидки в оплате жилищно-коммунальных услуг — 22,0% (20,1% в прочих городах). Пособия были назначены 12% всех городских жителей, причем нецентральные города оттягивают большую долю получателей (13,6 против 9,8% в областных центрах).

Расходы. По нашим оценкам, городские жители тратят почти половину своих средств на приобретение продуктов питания

(45,4%), причем в областных центрах эта доля расходов несколько ниже, чем в прочих городах. Личное подсобное хозяйство продолжает сохранять определенную значимость как средство самообеспечения, в том числе, вероятно, по причине достаточно невысоких альтернативных издержек: для почти 25% жителей центров (39,5% в прочих городах) — это дополнительный источник питания.

Городские пенсионеры относительно благополучны

По нашим расчетам, индекс численности бедных оказывается весьма высоким вне зависимости от выбора показателя (см. таблицу), в первую очередь за счет использования нами показателя прожиточного минимума, в отличие от так называемого "рекомендуемого показателя черты бедности (1 056 руб. для 2002 г.)", на основании которого, по расчетам Всемирного банка, доля бедных по стране составляет 25%. В показателе относительной бедности учитывается реальное распределение потребительских расходов вне зависимости от их соотношения с прожиточным минимумом, и мы считаем, что этот индекс наиболее близок к действительности, особенно учитывая высокий уровень неравенства в городах. Можно отметить, что доли бедных и крайне бедных устойчиво выше в "прочих городах".

Относительно благополучно выглядят домохозяйства городских пенсионеров. При этом стоит отметить существенные различия между подгруппами работающих и неработающих пенсионеров: доля бедных по текущему потреблению среди работающих пенсионеров составляет лишь 18% (по относительной бедности — менее 5%), а среди неработающих пенсионеров — 41,4% (по относительной бедности — 11%). Это позволяет предположить, что достижение пенсионерами старших возрастов, а также инвалидность и другие причины, лишаящие их трудоспособности, — весьма значимые факторы бедности в городской среде.

Наибольшей частотой попадания в категорию бедных отличаются многодетные семьи (среди этой группы доля бедных домохозяйств достигает 85% и даже по уровню относительной бедности составляет 38,5%), одинокие матери (отцы) с детьми, прочие домохозяйства с детьми, а также домохозяйства, имеющие в своем составе инвалидов и безработных. В целом данные показатели косвенно подтверждают тезис о демографических факторах как симптомах бедности.

Оценивая профиль бедности путем сопоставления "вклада", который вносят различные группы домашних хозяйств в общий показатель, мы видим, что горожане, проживающие в областных центрах, вносят 41,3% в общий показатель бедности; а жители других городов — 58,7%. Это соотносится с оценкой Всемирного банка о том, что "чем меньше городской населенный пункт, тем выше процент бедных".

Социальная помощь, как показывает наш анализ, не всегда используется для улучшения благосостояния бедных домохозяйств. Например, льготы по оплате жилья, коммунальных услуг и телефона небедным домохозяйствам превосходят соответствующие льготы бедным в 1,3 — 1,8 раза. Если говорить о количестве льгот, то небедные домохозяйства получают их в 1,6 раза чаще, чем бедные. Небедные также получили в 1,6 раза бо-

Таблица 1. Индексы численности бедных

	Все города	Из них	
		Областные центры	Прочие города
	бедные, % (крайне бедные, % от числа бедных)	бедные, % (крайне бедные, % от числа бедных)	бедные, % (крайне бедные, % от числа бедных)
По располагаемым ресурсам	47,2 (13,6)	44,6 (24,3)	49,3 (31,7)
По индикатору текущего потребления	63,9 (32,8)	63,3 (29,8)	64,6 (35,0)
По относительному индикатору текущего потребления (относительный уровень бедности)	14,3 (18,5)	10,8 (17,3)	17,0 (19,1)

Показатель "располагаемые ресурсы" включает данные о расходах на питание, покупку одежды и обуви, услуг и других товаров. Сюда включаются также расходы на покупку и аренду недвижимости, возврат ссуды, долг и пр.

Показатель "текущего потребления" состоит из расходов на покупку, приобретение продуктов питания, непродовольственных товаров, не являющихся предметами длительного пользования, оплату услуг, а также в данный показатель входит стоимость предоставленных в натуральном выражении льгот и издержки пользования предметами длительного пользования.

Таблица 2. Сокращение уровня бедности в результате проведения различных мер

	Вся городская выборка			Подвыборка влияния		
	Все города	Област. центры	Прочие города	Все города	Област. центры	Прочие города
Повышение уровня образования на 1 ступень*	2,07	1,18	3,64			
Повышение уровня образования со среднего профессионального до высшего	1,37	0,72	2,50	2,44	1,41	4,20
Повышение уровня образования со среднего общего до среднего профессионального	0,44	0,34	0,63	1,47	1,21	2,00
Повышение уровня квалификации со среднего до высшего	1,29	0,77	2,43	2,70	1,61	5,04
Повышение уровня квалификации неквалифицированных рабочих до квалификации квалифицированных рабочих	0,58	0,30	0,99	4,37	2,59	6,65
Уменьшение количества безработных в домохозяйстве на одного человека	0,22	0,11	0,38	2,80	1,52	4,12

* Подвыборкой влияния является все городское население, но при этом для лиц с высшим образованием уровень образования остается неизменным.

льше социальных услуг, чем бедные. Все эти результаты говорят о необходимости перевода социальной помощи в адресную форму. Количество и разнообразие предоставленных горожанам услуг приводит к мысли о необходимости существенного сокращения их набора в целях наибольшего соответствия как ограниченным возможностям бюджетов, так и первоочередным потребностям именно малоимущего населения.

Риски бедности возрастают при увеличении числа иждивенцев

Как связано благосостояние домашнего хозяйства с его образовательными, квалификационными, демографическими и пространственными характеристиками? Мы включили в регрессионный анализ данные о статусе деятельности, занимаемой должности и сферы занятости главы домохозяйства — человека, приносящего наибольший доход в течение предшествующих сбору данных трех месяцев. Пространственные характеристики включают в себя прирост оборота розничной торговли в регионе, прирост объема платных услуг населению и объема промышленного производства в регионе, уровень длительной безработицы в регионе, а также значение регионального прожиточного минимума.

Результаты расчетов показывают, в частности, что в 2003 г.:

- Риск бедности возрастал при увеличении числа детей, пенсионеров и инвалидов в домохозяйстве, для домохозяйств, глава которых — женщина или безработный, а также для семей с низким образовательным потенциалом.
- Чем больше сумма предоставленных домохозяйству льгот и скидок на проезд в городском транспорте, оплату коммунальных услуг и телефон, тем выше благосостояние домохозяйства и тем меньше риск попадания его в категорию бедных.
- Проживание домохозяйства в областном центре положительно влияет на его благосостояние. Прирост оборота розничной торговли и платных услуг населению в регионе снижают риск бедности. В то же время повышение уровня длительной безработицы и прирост объема промышленного производства в ре-

гионе повышают вероятность попадания домохозяйства в категорию бедных.

Какие меры могут способствовать сокращению уровня бедности?

Мы рассматриваем несколько способов сокращения уровня бедности как для всей выборки городского населения, так и для так называемых "подвыборок влияния". Подвыборками влияния называются группы домашних хозяйств, в которых присутствуют затрагиваемые тем или иным преобразованием лица. Например, если моделируется результат уменьшения количества безработных, то подвыборкой влияния становятся домашние хозяйства с безработными членами.

По результатам имитационных расчетов можно сделать следующие общие выводы:

- Повышение уровня образования, квалификации и трудоустройства оказывает более сильное положительное воздействие на подгруппу влияния в прочих городах, чем в областных центрах, причем минимальное различие составляет 1,9, а максимальное — 3,5 раза.
- Для сокращения уровня бедности более значимым оказывается повышение уровня образования со среднего профессионального до высшего, чем со среднего общего до среднего профессионального. Более высокий уровень отдачи от вложения средств в высшее образование еще раз подчеркивает, что образование — один из самых значимых ресурсов, составляющих человеческий капитал.
- Эффект от повышения уровня квалификации неквалифицированных рабочих весьма малозначим для снижения бедности городского населения, хотя сами неквалифицированные рабочие могут достаточно весомо улучшить свое положение посредством повышения квалификации.

Следовательно, повышение уровня благосостояния и снижения остроты бедности в России возможно за счет внедрения программ, направленных на повышение качества рабочей силы и развитие трудового потенциала городского населения.

Выводы

Проблема городской бедности в России, хотя и носит весьма масштабный характер вследствие высокого уровня урбанизации в России, является весьма неоднородной как по степени остроты, так и по характеристикам наиболее уязвимых групп. Так, при всех способах расчета доли бедных и крайне бедных устойчиво выше в "прочих городах". На основании данных о доле крайне бедных можно заключить, что в городах возможна реализация адресных

программ поддержки малоимущих, при условии что чертой нужды для этих программ будет выбран не прожиточный минимум, а более низкий показатель, отражающий распределение доходов среди бедных.

Высокий уровень образования в "прочих" городах гораздо больше влияет на благосостояние, чем в областных центрах. Возможно, это связано с более высокой концентрацией образованного населения в центральных городах и большей конкуренцией на рынке труда квалифицированной рабочей силы. На первый взгляд кажется, что в малых городах возможностей для образованных людей меньше, но, очевидно, немногие высокообразованные жители малых городов с большей вероятностью получают работу со стабильным заработком. Таким образом, программы, направленные на повышение качества рабочей силы и развитие трудового потенциала городского населения, могут и должны стать одним из инструментов стратегии повышения уровня благосостояния и снижения остроты бедности в России.

Бедность не порок: измерение региональной бедности в России

Ирина Денисова, Марина Карцева

Исследование региональной бедности в России показало, что, несмотря на разнообразие условий в российских регионах, модель бедности едина для страны в целом. В частности, набор факторов, определяющих уровень и глубину бедности, практически совпадает в разных регионах. Вероятность попадания за черту бедности определяется размером домохозяйства и числом детей в семье, а также занятостью взрослых членов домохозяйства и их образовательным уровнем. Государственная политика перераспределения не оказывает значительного воздействия на риск бедности.

Борьба с бедностью объявлена одним из политических приоритетов российского правительства. В то же время масштабы распространения бедности, а также профиль российской бедности во многом остаются недостаточно изученными. Эти вопросы тем более требуют ответа, когда речь идет о региональных аспектах бедности. Можно ожидать, что для России, как для регионально неоднородной страны, характерны регионально специфичные профили бедности.

Исследования по вопросам региональной бедности в России немногочисленны. Тем не менее в докладе по бедности в России Всемирного банка 2005 г., основанном на данных обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) Росстата, выявлены значительные региональные различия в отдаче на факторы, определяющие вероятность попадания за черту бедности, причем наиболее важными факторами оказались проживание в сельской местности, образование, наличие работы и количество детей в семье.

Набор факторов, определяющих уровень и глубину бедности, одинаков в разных регионах России

Основная задача нашего исследования состояла в выявлении региональных моделей бедности через измерение бедности в российских регионах на основе данных по домашним хозяйствам, выявление факторов, определяющих риск попадания за

Несмотря на существование длинных перечней льгот и услуг, часто социальная помощь предоставляется весьма небольшой доле городского населения — 1—2%. Более того, во многих случаях доля небедных семей, получающих тот или иной вид социальной помощи, не ниже, а зачастую и выше доли бедных семей. Кроме того, в группе, получающей наименьший объем социальных льгот, более высокая доля пенсионеров и инвалидов, чем в группе с наибольшим объемом льгот. Все это подчеркивает целесообразность перехода к адресному предоставлению социальных услуг и льготозамещающим персональным выплатам.

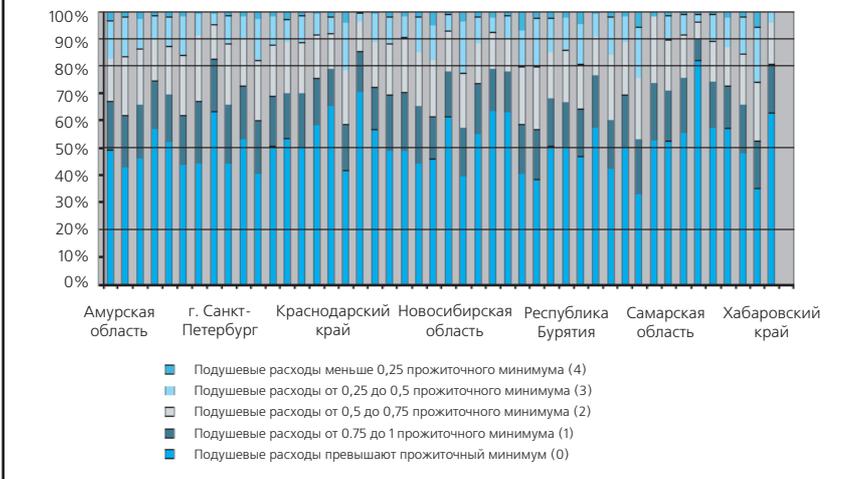
Анастасия Александрова — директор направления "Социальная политика", Елена Гришина — эксперт направления "Социальная политика" Фонда "Институт экономики города" в Москве. Авторы доклада выражают признательность Г.Ю. Ветрову, И.В. Белякову, М.М. Локшину за предоставленные ценные советы и своевременные замечания. ■

черту бедности и глубину бедности, и тестирование региональных различий в этих факторах. Мы измеряем бедность в российских регионах на основе концепции абсолютной бедности, официальных региональных линий бедности и потребления как основного индикатора благосостояния домохозяйства. Наш анализ основан на данных обследования 45 тысяч домашних хозяйств России НОБУС, проведенного в апреле—мае 2003 г и представительного как в национальном, так и региональном разрезе для 46 регионов РФ.

При анализе факторов, определяющих риск попадания за черту бедности и глубину бедности, мы исходили из того, что необходимо учитывать способность членов домохозяйства зарабатывать на рынке труда, с одной стороны, и привлекать трансферты — с другой. Еще один потенциальный источник дохода — доход на накопленные активы — практически не существен в российских условиях, что особенно верно, когда речь идет о бедных слоях населения. Мы анализировали влияние исследуемых нами факторов в каждом из 46 регионов России, по которым данные НОБУСа являются регионально-представительными. Кроме того, мы тестировали статистическую значимость региональных различий в наборе факторов, определяющих бедность, а также в отдачах на факторы, с целью выделения групп регионов, характеризующихся разными моделями бедности.

Полученные нами оценки бедности — 48,5% по России в 2003 г. — выше показателя, полученного Росстатом по ОБДХ. Различие объясняется прежде всего разницей в определении используемого показателя благосостояния. Соответствующие региональные показатели бедности также оказались выше. Что важнее, региональные различия в уровне и глубине бедности оказались значительными. Так, уровень бедности (используя официальный прожиточный минимум региона) составляет 67% на Сахалине и 18% в Тюменской области. Рисунок 1 дает представление о масштабах региональных различий в уровне бедности и в глубине бедности.

Рисунок 1. Подушевые расходы и прожиточный минимум в регионах

Несмотря на сильный разброс в региональных показателях бедности, анализ региональных различий в факторах, определяющих уровень бедности и глубину бедности, показал, что их набор в регионах во многом похож.

Мы получили следующие результаты и подтверждение выдвинутых в ходе исследования гипотез:

1. Бедность предопределена демографическим составом домохозяйства.

Анализ факторов бедности показал, что чем больше домохозяйство, тем выше его вероятность оказаться за чертой бедности. Этот фактор значим во всех 46 регионах, при этом коэффициенты отдачи варьируются от 0,264 в Республике Саха-Якутия до 0,802 в Санкт-Петербурге. Чем больше детей в семье, тем выше риск попадания семьи за черту бедности в половине регионов (22 из 46). В остальных регионах число детей не имеет значимого влияния на вероятность попадания за черту бедности.

2. Бедность предопределена тем, работают ли взрослые члены домохозяйства, каково их положение на рынке труда и каковы характеристики локального рынка труда.

Высокая вовлеченность взрослых членов семьи в рынок труда помогает избежать бедности: чем выше доля работающих взрослых, тем ниже вероятность бедности. Этот фактор статистически значим для 44 регионов. Только Республика Адыгея и Республика Дагестан являются исключениями из правила — фактор статистически незначим в этих регионах. Величина коэффициента отдачи на участие в рынке труда варьируется между регионами от уровня -4,062 в Москве до -0,659 в Амурской области и неотличим от нуля в Адыгее и Дагестане. Тем самым, отдача на вовлеченность в рынок труда выше в экономически развитых регионах, что связано с большей денежной вознагражденностью труда в этих регионах.

Наличие взрослого члена семьи с высшим образованием помогает снизить вероятность попадания семьи за черту бедности по сравнению с семьями со средним образованием. Среднее профессиональное образование также вознаграждено в большинстве регионов, хотя отдача на этот фактор всегда ниже, чем на высшее

образование. Начальное профессиональное образование не лучше среднего общего образования с точки зрения риска попадания за черту бедности. Москва представляет единственное исключение из общей модели: уровень образования взрослых членов семьи не влияет на вероятность попадания за черту бедности. Здесь важен сам факт работы взрослого члена семьи (отдача на вовлеченность в рынок труда наибольшая в Москве).

Чем выше доля вовлеченных в работу на государственных предприятиях в семье, тем выше риск попадания за черту бедности, если семья живет в Москве, Санкт-Петербурге или Якутии, и тем ниже вероятность бедности, если семья живет в Псковской, Мурманской или Воронежской области или Республике Дагестан. Во всех остальных регионах этот фактор статистически незначим.

Ведение личного подсобного хозяйства, как правило, снижает вероятность бедности в большинстве российских регионов. Исключения составляют Приморский край, Тюменская область, Республика Коми, Москва, Мурманская область и Ростовская область, где фактор незначим, что связано, видимо, с относительно непривлекательностью сектора в регионе. Обращает на себя внимание присутствие в списке Ростовской области, несмотря на привлекательность природных условий для ведения сельского хозяйства.

Семьи, возглавляемые женщинами (без взрослых мужчин), не проигрывают семьям с мужчинами с точки зрения риска попадания за черту бедности в большинстве регионов. Исключения составляют Самарская область, Москва, Санкт-Петербург, Мурманская область и Республика Коми, где семьи, возглавляемые женщинами, чаще оказываются бедными. Объяснение, по-видимому, лежит в области рынка труда: в этих экономически развитых регионах женщины проигрывают мужчинам на рынке труда. Этот фактор статистически незначим в менее развитых регионах. Неожиданно отсутствие взрослых мужчин в семье уменьшает шансы бедности в Псковской области.

Плохое здоровье члена домохозяйства увеличивает риск бедности домохозяйства в половине российских регионов и незначимо в остальных.

Проживание в сельской местности увеличивает вероятность бедности в большинстве регионов. В Республике Кабардино-Балкария, однако, проживание в сельской местности уменьшает шансы бедности.

3. Государственная политика перераспределения не оказывает значительного влияния на риск бедности.

Наличие получателя пенсии в семье повышает вероятность попадания за черту бедности на Камчатке и снижает эту вероятность в Новосибирской, Свердловской, Тюменской и Ярославской областях. Для остальных регионов этот фактор статистически незначим. Неэффективность государственной политики перераспределения подтверждается также увеличением риска бедности при увеличении числа детей в домохозяйстве, отмеченное выше.

Выводы

- Наш анализ свидетельствует о том, что российские регионы не настолько неоднородны, как это можно было ожидать, гля-

дя на различия в уровне и глубине бедности. Основными факторами, предопределяющими бедность, оказались одинаковыми для всех российских регионов. Это еще раз подчеркивает, что неоднородность российских регионов с точки зрения модели бедности не так велика.

- Очень высокая отдача на вовлеченность в рынок труда в Москве при статистической незначимости уровня образования членов семьи указывает на то, что рынок труда в Москве предоставляет возможности работы с достойной оплатой труда. Картина сильно отличается в других регионах, где образование оказывает большое влияние на риск бедности. Неожиданно положительное влияние работы в государственном секторе в Псковской, Мур-

манской, Воронежской областях и Республике Дагестан свидетельствует об особой роли бюджетного сектора на рынках труда этих регионов.

- Сходность набора факторов, определяющих уровень бедности и глубину бедности в регионах, согласуется с выводами других исследований о том, что факторы, определяющие длительную и кратковременную бедность в России практически совпадают.

Ирина Денисова — ведущий экономист, Марина Карцева — экономист Центра экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР) в Российской экономической школе в Москве. ■

Вступление России в ВТО и последствия для уровня бедности

В ближайшем будущем Россия может предпринять ряд изменений в экономической политике, наиболее важные из которых связаны со вступлением во Всемирную торговую организацию (ВТО). Российские политики озабочены не только общими последствиями от вступления в ВТО и воздействием на производственные отрасли экономики, но тем, как повлияет этот шаг на бедные слои населения и их уровень дохода, а также последствиями в области распределения.

Мы оцениваем эти последствия с помощью модели общего равновесия российской экономики, в которую интегрированы данные опроса 55 000 реальных домохозяйств, взятых из обследования бюджетов домохозяйств Госкомстата.

Результаты моделирования показывают, что в среднесрочной перспективе практически все российские домохозяйства выигрывают от вступления в ВТО — в среднем по всем домохозяйствам на уровне 7,3% от суммарного потребления (или 3,4% ВВП). Рост дохода семьи варьируется от минимального значения в 2% до почти 25%. Практически полное отсутствие проигравших в нашей модели на микроуровне объясняется тем, что в модель включены прямые иностранные инвестиции в сфере услуг и положительное воздействие на производительность, обусловленные либерализацией сферы услуг и торговли. При отсутствии прямых иностранных инвестиций модель с неизменным эффектом масштаба показывает, что 7% домохозяйств потеряют от вступления России в ВТО.

Рост доходов довольно равномерно распределяется по всем группам населения, однако бедные выигрывают немного больше, чем богатые, в связи с более высоким ростом заработка неквалифицированных работников по сравнению с доходностью капитала. Городские домохозяйства выигрывают больше сельских, поскольку заработок квалифицированных работников возрастает больше, чем прочие факторы производства, а городские домохозяйства в большей степени обеспечены квалифицированными рабочими кадрами, нежели сельские.

Разложение суммарного выигрыша по различным его источникам показывает, что выигрыш от либерализации

прямых иностранных инвестиций только лишь в сфере услуг достигает 5,3% от стоимости российского потребления — это более 70% общей стоимости выигрыша. Рост благосостояния в результате снижения тарифов в России составит, по некоторым оценкам, 1,3% от потребления, а в результате более свободного доступа к рынку — 0,7% от потребления. Одними из наиболее сложных вопросов в ходе переговоров по вступлению в ВТО для России были согласования с иностранными производителями услуг в контексте соглашения об услугах (GATS). Однако результаты наших расчетов показывают, что именно снижение барьеров для прямых иностранных инвестиций в сфере услуг будет иметь наиболее важные последствия для благосостояния населения.

Несмотря на весомые выгоды, многие домохозяйства в переходный период могут значительно потерять. Уволенные работники, вынужденные искать новую работу, в результате временной безработицы понесут материальные потери и, по-видимому, дополнительные расходы, связанные с переподготовкой и переездом в другое место. Некоторым наименее обеспеченным группам населения будет сложно справиться с такими временными расходами.

Поэтому, несмотря на вероятность значительного улучшения уровня жизни практически всех российских граждан после вступления в ВТО, в переходный период сохраняется важность государственной системы социальной защиты, особенно для беднейших слоев населения, которые с трудом смогут справиться с временными трудностями.

Томас Патерфорд (Thomas Rutherford) — профессор экономики Университета штата Колорадо, США. Дэвид Тарр (David Tarr) — ведущий экономист, Всемирный банк, Вашингтон, США. Олександр Шепотыло (Oleksandr Shepotylo) — преподаватель кафедры экономики Университета штата Мэриленд, США. Полный текст работы находится по адресу: <http://ssrn.com/abstract=647643> (World Bank Policy Research Working Paper № 3473). ■

Оценка правовых систем: катализатор реформы

Мишель Нуссбаумер

С середины 1990-х гг. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) проводит оценку состояния правового реформирования в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ. Будучи крупнейшим индивидуальным инвестором в регионе, основное внимание в своей программе ЕБРР уделяет оценке в областях права, имеющих непосредственное отношение к иностранным инвестициям: концессии, корпоративное управление, банкротство, операции с обеспечением, рынок ценных бумаг и телекоммуникации. В результате этого процесса банк разработал уникальный набор аналитических инструментов, относящихся к коммерческому и финансовому праву этих стран. Работа банка по оценке правовых систем — часть Программы правового реформирования ЕБРР, значительным компонентом которой является оказание прямого технического содействия национальным правительствам.

Качество законодательной базы

Процесс оценки правового реформирования в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ включает две стадии. Вначале ЕБРР оценивает степень соответствия законодательной базы страны соответствующим передовым международным стандартам. Этот первый критерий называют экстенсивностью правовой системы. До настоящего времени такая оценка экстенсивности была проведена и опубликована в отношении концессий, корпоративного управления, банкротства, операций с обеспечением и рынка ценных бумаг. Аналогичная оценка нормативно-правовой базы в сфере телекоммуникаций запланирована на 2005 — 2006 гг.

Анализ экстенсивности осуществляется на основе контрольного перечня вопросов, который отражает содержание соответствующих международных стандартов. Странам присваиваются баллы, на основании которых они помещаются в различные категории: начиная с категории "Очень низкая степень соответствия" и заканчивая "Очень высокая степень соответствия". В Таблице 1 представлен пример такого рейтинга по оценке корпоративного управления, опубликованного в 2004 г., где в качестве эталона для сравнения использовались Принципы корпоративного управления, разработанные Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Исполнение законов

Исследователи, занимающиеся данным вопросом, склонны утверждать, что хотя оценка законодательной базы дает хорошее представление о ходе правовой реформы, она недостаточно полно показывает влияние этих реформ. Для хорошего функционирования рыночной экономики действительно важно то, каким образом законы исполняются судами и другими государственными учреждениями. Это абсолютно справедливо, поэтому ЕБРР стремится получить полную картину правовой реформы в регионе также и путем оценки уровня исполнения законодательства. Это вторая стадия процесса оценки: анализ "эффективности" законодательства, т. е. реальной практики, сформировавшейся в государствах. Эта часть оценки является методологически очень сложной, так как ее зада-

ча заключается в том, чтобы фиксировать факты, а не правила и отражать многообразие отдельных практических применений, наработанных в рамках данной юрисдикции.

Следуя последним тенденциям международного правового сообщества, ЕБРР положил в основу оценки эффективности законодательства детальный анализ ряда конкретных ситуаций (дел), на примере которых рассматривается функционирование соответствующей области права. Первое исследование было направлено на изучение законодательства в области операций с обеспечением и было проведено в 2003 г. в сотрудничестве с местными юристами в регионе. Оно рассматривало проблему обращения взысканий. На основе простого сценария (банк, пытающийся взыскать залог с несостоятельного должника) исследование выявило, каким образом система работает на практике в каждой из стран: какую сумму кредитор смог бы вернуть за счет продажи предмета залога, как быстро и насколько легко? Страны были проранжированы на основе этих трех показателей. Аналогичные исследования были проведены в области законодательства о банкротстве в 2004 г. и в сфере корпоративного управления в 2005 г. Исследования концессий и рынка ценных бумаг запланированы на 2006 и 2007 гг., соответственно.

Сводный рейтинг качества законодательной базы по странам

Далее ЕБРР соединил две имеющиеся в настоящее время части своей правовой оценки, т. е. качество законодательной базы и эффективность их исполнения, и определил общий балл для каждой из стран, в которых работает ЕБРР (см. Диаграмму 1). Диаграмма дает представление об общем состоянии правовой реформы в 2005 г. в сфере коммерческого и финансового права в регионе деятельности ЕБРР. В целом страны Центральной Европы представляются более продвинутыми, чем так называемые "ранние переходные экономики", подтверждая очевидную взаимосвязь между развитием норм права и экономическим реформированием.

Таблица 1. Соответствие законодательства Принципам корпоративного управления ОЭСР

Очень высокая степень соответствия	Высокая степень соответствия	Средняя степень соответствия	Низкая степень соответствия	Очень низкая степень соответствия
(стран нет)	Армения Венгрия Казахстан Латвия Литва Македония Молдова Польша Россия	Албания Болгария Хорватия Чешская Республика Эстония Кыргызстан Сербия и Черногория Словакия Словения Узбекистан	Босния и Герцеговина Грузия Румыния Туркменистан	Азербайджан Беларусь Таджикистан Украина

Источник: Оценка корпоративного управления ЕБРР 2004

В этом смысле расширение Евросоюза сыграло позитивную роль в стимулировании реформ. Однако есть и менее предсказуемые результаты: Польша имеет самый низкий рейтинг среди стран Центральной Европы, что является предсказуемым следствием перегруженности судебной системы, которая затрудняет быструю обработку исков для инвесторов. С другой стороны, некоторые страны на раннем этапе переходного периода, такие как Молдова и Кыргызстан, находятся довольно высоко в рейтинге, что, возможно, является следствием значительного объема технической помощи, полученной ими для совершенствования законодательства. Но, несмотря на отдельные моменты, больше всего поражает представленная в диаграмме масштабность и сложность задачи реформирования, остающаяся актуальной для всего региона. Графически эта задача отображена в верхней светлой части столбцов — это разрыв, который странам необходимо преодолеть, чтобы приблизиться к международным стандартам, пропагандируемым ЕБРР. Для этого предстоит проделать еще немалую работу.

Эффективность деятельности ЕБРР по правовой оценке

Оценка правовых систем в странах региона — это колоссальная деятельность, требующая значительных ресурсов, как человеческих, так и финансовых. Почему ЕБРР участвует в этом трудоемком предприятии? Для этого есть три причины:

- Во-первых, ЕБРР может использовать полученные знания о законодательстве стран для информационной поддержки собственных инвестиционных решений.
- Во-вторых, публикация страновых рейтингов и связанная с этим информация помогают инвесторам принимать информированные решения, и Банк таким образом может стимулировать инвестиции в регионе.
- В-третьих — и это самое важное — оценка правовых реформ может стать действенным инструментом политического диалога с правительствами стран. Другими словами, публикация исследований правовых систем, возможно, побудит правительства взяться за решение проблем, выявленных в ходе оценки, и предпринять соответствующие шаги.

Следующий пример пояснит этот эффект мотивации. После публикации банком Transition Report за 2003 г. детального анализа ситуации с обращением взысканий, низкая оценка Польши не осталась незамеченной. Анализ указал на существующие в стране

проблемы при попытках взыскания залога через местную судебную систему — единственный доступный метод принуждения к исполнению. Обеспеченные кредиторы столкнулись бы с длинным, сложным и дорогостоящим процессом. Процедура была описана как более трудная, чем в любой из стран-кандидатов (на тот момент) в члены ЕС, и даже чем в ряде государств на раннем этапе переходного периода.

Мнение ЕБРР было подтверждено в отчетах Всемирного банка "Ведение бизнеса в 2004 г." и "Ведение бизнеса в 2005 г.", которые указали, что для исполнения простого контракта понадобится в среднем 1 000 дней и что законодательно закреплённые права заемщиков и кредиторов оценивались на уровне 2 баллов на шкале от 1 до 10. Страны во главе списка включили Великобританию, Гонконг, а также Албанию и Словакию. Польша с индексом, равным 2, находилась в одной группе с Бразилией, Чили, Гаити и Марокко.

Вслед за этими публикациями Национальный банк Польши обратился в ЕБРР с просьбой помочь в оценке влияния правовой структуры на кредитный сектор Польши и подготовить рекомендации по улучшению сложившейся ситуации. В настоящее время ЕБРР предоставляет техническое содействие совместно с проектом Всемирного банка "Сокращение правовых барьеров для исполнения контрактов".

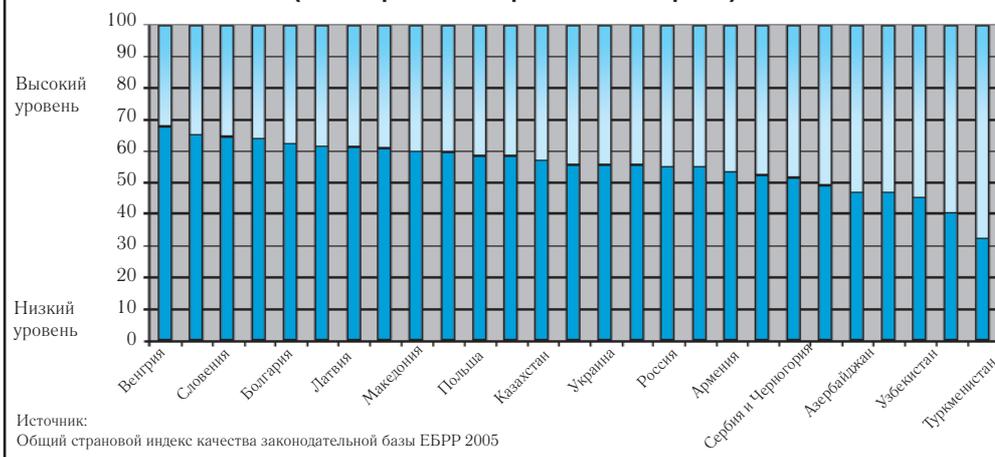
Поддержка продолжения реформы

Исследования, проводимые ЕБРР, выявляют необходимость осуществления правовых реформ в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ. Хотя с начала 1990-х гг. законодательные системы были значительно усовершенствованы, странам еще предстоит проделать немало работы, чтобы приблизиться к наиболее эффективным международным стандартам. К тому же, и это еще более важно, исполнение положений закона все еще сопряжено в большинстве государств с неопределенностью. Во многих случаях инвесторы не могут в достаточной степени положиться на местные суды для защиты своих контрактных прав. Все еще требуются большие усилия для построения правовых институтов и увеличения правовых возможностей коммерческого сектора. Публикуя детальные исследования, в которых обозначены требующие пересмотра области, ЕБРР стремится стимулировать политиков в регионе предпринять соответствующие шаги. В случае необходимости банк может также предоставить техническое содействие в проведении необходимых реформ.

Мишель Нуссбаумер (Michel Nussbaumer) — руководитель группы Правового реформирования ЕБРР. Статья написана специально для ВТ.

Содержание статьи отражает мнение автора и не обязательно отражает позицию ЕБРР. Для более подробной информации о Программе правового реформирования ЕБРР см. веб-сайт www.ebrd.com/law. ■

Диаграмма 1. Общее состояние правовой реформы (коммерческое и финансовое право)

Всемирный банк

Nicholas Barr (ред.)

Labor Markets and Social Policy in Central and Eastern Europe: The Accession and Beyond (Рынки труда и социальная политика в странах Центральной и Восточной Европы до и после вступления в ЕС)

Май 2005, 266 стр.

В книге подводятся итоги социальных реформ в переходный период и в процессе вступления стран Центральной и Восточной Европы в ЕС, а также анализируются проблемы, стоящие как перед старыми, так и перед новыми государствами — членами Европейского союза. Дискуссия в книге строится вокруг двух основных посылов. Во-первых, социальная политика при социализме была в основном хорошо "подогнана" к системе и именно поэтому совершенно не годилась для рыночной экономики. Во-вторых, успешное вступление в ЕС — это не избавление от всех проблем, поскольку социально-экономические тенденции, сложившиеся в странах Союза за последние 50 лет, накладывают серьезные обязательства на социальную политику, с которыми придется сталкиваться как старым, так и новым членам Европейского союза.

China's Ownership Transformation: Process, Outcomes, Prospects (Собственность в Китае: процесс преобразований, результаты, перспективы)

Июнь 2005

За прошедшее десятилетие экономика Китая перешла от опоры на государственные и коллективные хозяйства к смешанной системе, в которой важная роль отведена частным предприятиям. Многие хозяйственные объекты были полностью приватизированы. В данной книге рассматриваются основные силы, определяющие ход этого процесса, мотивация и стимулы их деятельности, а также оценка результатов с акцентом на проблемы наемных работников, корпоративного управления и деятельность предприятий.

Francis Conway, Brien Desilets, Peter Epstein, Juliana Pigey, Graeme Frelick and Fred Rosensweig

Intergovernmental Fiscal Relations in Central and Eastern Europe: A Sourcebook and Reference Guide (Межправительственные финансовые отношения в Центральной и Восточной Европе. Справочник)

Июнь 2005, 88 стр.

Подготовленный Институтом города для Агентства международного развития США и Института Всемирного банка, справочник содержит интернет-ссылки на многочисленные документы, в которых рассматриваются основные понятия и принципы, а также описывается процесс развития межправительственных финансовых отношений в регионе (состоит из печатного издания и CD-ROM).

James Anderson, David Bernstein, Cheryl Gray

Judicial Systems in Transition Economies: Assessing the Past, Looking to the Future (Судебные системы в экономиках переходного периода: оценка прошлого, взгляд в будущее)

Июнь 2005, 135 стр.

Robert Holzmann и Richard Hinz

Old-Age Income Support in the 21st Century: An International Perspective on Pension Systems and Reform (Денежное пособие по старости в 21-м столетии: реформа пенсионной системы в международной перспективе)

Май 2005, 242 стр.

За прошедшее десятилетие выросло понимание важности пенсионной системы для благополучия пожилых людей и экономической стабильности стран, в которых они живут. Всемирный банк поддержал пенсионные реформы почти в шести десятках государств, и потребность в его помощи продолжает расти. В книге содержатся материалы недавних исследований и опыт практического проведения реформ, которые значительно расширили понимание о наилучших подходах к решению этой проблемы. В издании содержится раздел, посвященный опыту проведения пенсионных реформ в Латинской Америке, Европе и Центральной Азии.

Ukraine's Trade Policy: A Strategy for Integration into Global Trade (Торговая политика Украины: стратегия интеграции в мировую торговлю)

Июнь 2005, 280 стр.

Bernard M. Hoekman, Subidey Togan (ред.)

Turkey: Economic Reform and Accession to the European Union (Турция: экономическая реформа и вступление в Европейский союз)

Июнь 2005, 400 стр.

Hermine De Soto, Sabine Beddies, Ilir Gedeshi

Roma and Egyptians in Albania: From Social Exclusion to Social Inclusion (Цыгане и египтяне в Албании: от социального отторжения до социальной интеграции)

Апрель 2005, 312 стр.

Bernard Dafflon and Krisztina Toth

Fiscal Federalism in Switzerland: Relevant Issues for Transition Economies in Central and Eastern Europe (Бюджетный федерализм в Швейцарии — пример для экономик переходного периода в Центральной и Восточной Европе)

WPS3655, июнь 2005

Фрагментированная структура местных органов власти и серьезные горизонтальные бюджетные диспропорции делают Швейцарию неожиданно ярким образцом для восточноевропейских стран, перед которыми встала проблема бюджетной децентрализации. Среди прочих выводов авторы полагают, что региональные и местные органы власти могут эффективно противостоять стремлению правительства к централизации бюджета, если они добросовестно сотрудничают с ним, повышая эффективность предоставления общественных услуг. Авторы также показывают, что соблюдение принципа приоритетности принятия решений на местном уровне надежнее всего можно обеспечить путем закрепления финансовых полномочий региональных и местных органов власти в конституции или ином столь же весомом законодательном документе.

Институт Уильяма Дэвидсона

<http://www.wdi.bus.umich.edu/>

Jan Bruha, Delia Ionascu и Byeongju Jeong

Organized Labor and Restructuring: Coal Mines in the Czech Republic and Romania (Рабочие организации и реструктурирование промышленности: угольные шахты в Чешской Республике и Румынии)

WP № 773, май 2005 г.

Авторы исследуют роль рабочих организаций в реструктурировании угольной промышленности двух добывающих регионов (1990-е годы): Острова в Чешской Республике и Долины Джиу в Румынии. Внешние условия для обоих регионов были схожими. При этом в Острове сразу началась поэтапная реструктуризация, тогда как в Долине Джиу ничего не менялось до 1997 г., а затем в течение 2 лет происходило массовое увольнение работников. Количественное исследование с учетом производительности шахт, состояния рынка труда и проблем с выплатами временно уволенным шахтерам показывает, что откладывание реструктуризации в Долине Джиу было неэффективным подходом. Постепенная реструктуризация с выплатой компенсаций могла стать лучшим вариантом как для шахтеров, так и для правительства.

Алексей Горяев и Константин Сонин

Is Political Risk Company-Specific? The Market Side of the Yukos Affair (Присущи ли политические риски некоторым компаниям? Рыночный аспект дела ЮКОСа)

WP № 772, май 2005 г.

Дело ЮКОСа дает превосходную возможность разобраться в особенностях политических рисков компаний, связанных с их деятельностью на развивающихся рынках. Информация в СМИ о действиях правоохранительных органов против менеджеров ЮКОСа, формально не связанных непосредственно с компанией, принесла компании аномальные убытки. Акции менее прозрачных

частных российских фирм оказались более чувствительными к событиям вокруг ЮКОСа, особенно к обвинениям, выдвинутым правоохранительными органами против сотрудников компании.

Balazs Egert

Equilibrium Exchange Rates in Southeastern Europe, Russia, Ukraine and Turkey: Healthy or (Dutch) Diseased? (Равновесные обменные курсы в Юго-Восточной Европе, России, Украине и Турции: здоровье или (голландская) болезнь?)

WP № 770, май 2005 г.

В исследовании рассматриваются равновесные обменные курсы валют в трех странах Юго-Восточной Европы (Болгарии, Хорватии и Румынии), двух странах СНГ (России и Украине) и Турции. В работе применен системный подход с учетом различных промежутков времени, в которые производится оценка равновесных курсов, а также произведен тщательный анализ специфических для страны факторов.

Jan Fidrmuc

Labor Mobility during Transition: Evidence from the Czech Republic (Мобильность трудовых ресурсов в переходный период в Чешской Республике)

WP № 767, апрель 2005 г.

Интенсивность межрегиональной миграции в Чешской Республике в переходный период невелика и даже снизилась за это время, а региональная дифференциация по уровню безработицы и доходов возросла. Мобильность трудовых ресурсов лишь в значительной степени способствует приспособлению рынка труда к изменениям занятости. И если в настоящее время миграция — это скорее социальное или демографическое явление, то ее экономическая роль в будущем может возрасти.

Центр исследования экономических и социальных перемен в Европе

<http://www.ssees.ac.uk/economic.htm>

Slavo Radosevic и Andrew Rozeik

Foreign Direct Investment and Restructuring in the Automotive Industry in Central and East Europe (Прямые иностранные инвестиции и реструктуризация автомобильной промышленности в Центральной и Восточной Европе)

WP № 53

В исследовании рассматривается эффективность ПИИ в реструктуризацию автомобильной промышленности Центральной и Восточной Европы. Результаты показывают, что потенциал региона как мирового автомобильного центра использован еще не полностью. Совокупность специфических для данных стран факторов и стратегий международных автомобильных корпораций повлияла на различия в структуре автомобильной промышленности. В странах с крупными ПИИ в автопром произошли рост эффективности производства, обновление технологий и рост занятости. Приватизация начала 1990-х и политика привлечения

ПИИ в создание новых предприятий накануне вступления в ЕС, является ключевым моментом в понимании различий между странами в привлечении ПИИ.

Алена Леденева

Leadership and Corruption in Russia, 2000—2004 (Власть и коррупция в России, 2000—2004)

WP № 54

В работе определяются основные особенности коррупции и восприятие этого явления в России при президенте В. Путине, а также сравнительный анализ изменений индекса восприятия коррупции в СНГ и странах Центральной и Восточной Европы, а также специфические особенности политики президента Путина в этой области. Исследуются роль неофициальных методов и официальных учреждений в борьбе с коррупцией и предлагается точка зрения на зависимость власти Путина от "неписаных правил".

Другие публикации:

Peter Sanfey и Utku Teksoz

Does Transition Make You Happy? (Счастливы ли вы в переходной экономике?)

EBRD Working Paper № 91, июнь 2005 г.

<http://www.ebrd.org/pubs/econo/WP0091.htm>

В работе рассматривается степень удовлетворенности жизнью населения стран с переходной экономикой на основе данных Всемирного опроса о ценностях (World Values Survey). Анализ показывает, что самыми счастливыми группами являются женщины, люди с хорошим образованием, имеющие высокие доходы, занимающиеся собственным бизнесом. Однако в среднем население стран с переходной экономикой менее удовлетворено своей жизнью, чем население, живущее в условиях стабильной экономики.

Rudiger Ahrend и William Tompson

Fifteen Years of Economic Reform in Russia: What has been Achieved? What Remains to be Done? (Пятнадцать лет экономических реформ в России: что уже сделано и что предстоит сделать)

Working Paper № 430 отдела экономики ОЭСР, май 2005 г.

www.oecd.org/publications

Работа представляет собой обзор процесса экономических реформ и функционирования российской экономики с начала 1990-х, а также анализ возможных проблем, связанных со структурными преобразованиями. Предлагается три основных вывода. Первый: хотя российские власти начали довольно внушительные реформы "второго поколения", многие из реформ "первого поколения" еще не завершены. Второй: главные проблемы, стоящие перед Россией, связаны прежде всего с преобразованием государственных структур. Третий: проведение реформ широким фронтом может принести России выгоды от сопровождающих их дополнительных эффектов.

Abdul Abiad и Taimur Baig

Underlying Factors Driving Fiscal Effort in Emerging Market Economies (Основные факторы формирования бюджета в странах с развивающейся рыночной экономикой)

IMF Working Paper № 05/106, июнь 2005 г.

<http://www.imf.org/external/pubind.htm>

Используя панельные данные по 34 странам с развивающейся рыночной экономикой за период 1990 — 2002 гг., авторы рассматривают роль различных экономических, политических и институциональных переменных в формировании бюджета. В данной работе показано, что усилия по формированию бюджета возрастают, как ожидается, одновременно с уровнем отложенного долга, однако этот эффект постепенно снижается после достижения определенного порога. Усилия по формированию бюджета повышаются с ростом цен на нефть (для стран-экспортеров нефти), когда подъем экономики превышает ее реальный потенциал, а также при наличии программ, поддерживаемых МВФ. И наоборот, высокая ответственность правительства, сильная и беспристрастная исполнительная власть способствуют снижению рыночного риска и, следовательно, понижают степень необходимости пересматривать бюджет. И наконец, усилия по формированию бюджета снижаются,

когда исполнительная власть сталкивается со слишком большими ограничениями.

Jack Diamond

Reforming the Russian Budget System: A Move to More Devolved Budget Management? (Реформа российской бюджетной системы: шаг к более зрелому управлению бюджетом?)

IMF Working Paper № 05/104, май 2005 г.

<http://www.imf.org/external/pubind.htm>

Российское правительство недавно начало фундаментальную реформу своей бюджетной системы, связанную со значительными политическими, процедурными и институциональными преобразованиями. В данной работе рассматривается программа реформы в сравнении с опытом развитых стран и высказывается обеспокоенность рядом возможных проблем. Во-первых, планируемый темп продвижения реформы представляется чрезмерно высоким. Во-вторых, степень подготовленности структур, занимающихся бюджетом, вызывает сомнения. В-третьих, качество управления нуждается в улучшении при более тщательно выверенной стратегии. И последнее, нынешний слишком общий подход к реформе как к "большому скачку", возможно, нуждается в пересмотре и трансформации в более упорядоченную стратегию с более ясными приоритетами.

Dalia Hakura

Are Emerging Market Countries Learning to Float? (Страны с развивающейся рыночной экономикой учатся "плавать"?)

IMF Working Paper № 05/98, май 2005 г.

<http://www.imf.org/external/pubind.htm>

За последнее десятилетие гибкость курсов валют в странах с развивающейся рыночной экономикой возросла. Это умение "плавать", похоже, привело к укреплению структур денежно-кредитной и финансовой политики, нацеленной непосредственно на те слабые места, которые являются почвой для страха перед "плавающими" курсами. Результаты исследования говорят о том, что тенденция к повышению гибкости обменного курса, одновременно с укреплением банковского надзора, привела страны с развивающейся рыночной экономикой к большей независимости валютной политики.

Patrizia Tumbarello

Regional Trade Integration and WTO Accession: Which is the Right Sequencing? An Application to the CIS (Региональная торговая интеграция и вступление в ВТО: в какой последовательности? Применительно к СНГ)

IMF Working Paper № 05/94, май 2005 г.

<http://www.imf.org/external/pubind.htm>

В работе анализируется наиболее адекватная последовательность между вступлением в ВТО и присоединением к таможенному союзу Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС). Если члены ЕвразЭС останутся на позиции скоординированного подхода к вступлению в ВТО новых стран, это может вызвать задержки, которые принесут выгоду одним государствам за счет других. Результаты моделирования благосостояния населения показывают, что, с точки зрения выгоды для потребителя, предпочтительно сначала присоединиться к ВТО, а затем к таможенному союзу ЕвразЭС.

Ежегодная встреча Объединенных ассоциаций социологических наук (ASSA)

6 — 8 января 2006, Бостон, США

Американская экономическая ассоциация (АЕА) в сотрудничестве с примерно 50 ассоциациями в смежных дисциплинах проводит трехдневную конференцию, на которой будут представлены работы по общим вопросам экономики. Будут проведены около 450 научных заседаний. В 2006 г. во второй раз АЕА опубликует доклады, представленные на конференции, на своем сайте.

Информация: <http://www.vanderbilt.edu/AEA/anmt.htm>

VII Международная конференция по проблемам глобального развития

18—23 января 2006 г., Санкт-Петербург

Подготовку и проведение конференции обеспечивает Леонтьевский центр совместно с Комитетом Санкт-Петербурга по внешним связям и туризму.

Информация: http://www.aret.ru/news_card.php?id=4598

Конференция по вопросам государственного обслуживания и менеджмента: задачи и трудности для местного правительства

13 — 14 января 2006 г., Тулуза, Франция

Проблема разработки государством эффективной системы обеспечения населения основными общественными услугами, такими как водоснабжение, транспорт, образование, научно-исследовательская деятельность и здравоохранение, сегодня является довольно актуальной. Цель конференции — собрать вместе лучших исследователей в этой области, которая является пограничной на стыке экономики, менеджмента, политологии и др. наук, и объединить их идеи и взгляды с опытом специалистов-практиков, занимающихся менеджментом общественного обслуживания. Список тем для обсуждения на конференции:

- Форма собственности в инфраструктуре: общественная против частной
- Местные правительства и их взаимоотношения с частным сектором
- Партнерство частного и общественного секторов в развивающихся странах
- Частные финансовые инициативы
- Привязанность к уступительным контрактам и их влияние на конкуренцию
- Коммерческие и некоммерческие организации в партнерстве частного и общественного секторов.

Информация: http://idei.fr/conference/ppp_2006.html

Ежегодная конференция Всемирного банка по экономике развития (ABCDE)

18 — 19 января 2006 г., Санкт-Петербург

Вступительное слово: Франсуа Бургиньон, старший вице-президент и главный экономист Всемирного банка.

Основные доклады: Андерс Ослунд, Фонд Карнеги за международный мир; Егор Гайдар, Институт экономики переходного периода.

Запланированы следующие заседания:

- *Экономический рост после переходного периода: неизбежен ли рост неравенства?* “Неравенство и экономический рост в переходной экономике”, П. Митра и Р. Емцов, Всемирный банк; “Открытость Латинской Америки: последствия для неравенства”, Гиллермо Перри, Всемирный банк.

- *Экономическое пространство.* “Можно ли с помощью экономической политики преодолеть неблагоприятное географическое положение в Восточной Европе и СНГ?”, Каролина Эххолм, Стокгольмская школа экономики; “Похожие тенденции сближения и расхождения в Индии и Китае”, Ксяобо Жанг, Киран Гаджвани, Рави Канбур, International Food Policy and Research Institute.

- *Управление.* “Государство и рынок в Латинской Америке и мире”, Марьяно Томмаса, LACEA; “Реакция общественного и частного секторов на провалы рынка и государства”, Эрик Берглоф, ЕБРР; “Уроки приватизации”, Сергей Гуриев, РЭШ, и Билл Меггинсон, Университет Оклахомы.

- *Правовые основы рыночной системы.* “Правовые основы в общем контексте развития”, Мэттью Стефенсон, Гарвардский университет; “Правовые основы в переходных странах”, Чери Грей, Всемирный банк.

- *Семинар по вопросам экономической политики.*

Информация: <http://www.worldbank.org/research/abcde>. По вопросам программы связывайтесь с Борисом Плесковичем (Boris Pleskovic), менеджером по исследованиям Всемирного банка: тел.: +1-202 473 1062, факс: +1-202 522 0304, e-mail: bpleskovic@worldbank.org; по организационным вопросам связывайтесь с Лейтой Джонс (Leita Jones): тел.: +1-202 473 5030; факс: +1-202 522 0304; e-mail: Ljones2@worldbank.org

VII Международная научная конференция "Модернизация экономики и государство"

4 — 6 апреля, 2006 г., Москва

Конференция проводится Государственным университетом — Высшей школой экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председатель Оргкомитета конференции — научный руководитель ГУ-ВШЭ, профессор Е.Г. Ясин. На секционных заседаниях и заседаниях круглых столов предлагается рассмотреть следующие приоритетные проблемы:

- Государство, общественное самоуправление и гражданское общество
- Институты и спрос на право
- Образование, наука, инновации, модернизация экономики
- Социальные процессы и социальная политика
- Политическая экономия реформ
- Экономическое развитие и влияние государства
- Экономическая и социальная кооперация бизнеса и власти
- Эффективность и модернизация госинститутов.

К VII Международной научной конференции будет приурочена студенческая научная конференция.

Информация: http://www.hse.ru/temp/2006/04_04-06_conf.shtml. Заявки на участие в конференции без доклада принимаются до 10 марта 2006 г.

Библиография

“Гуд бай”, Ленин? Влияние социализма на предпочтения людей относительно политики перераспределения”, Альберто Алесина и Николя Фукс-Шундельн

Alesina, Alberto and George-Marios Angeletos, 2005.: "Fairness and Redistribution", in *American Economic Review*, forthcoming.

Alesina, A. and E. La Ferrara, 2005. "Preferences for Redistribution in the Land of Opportunities", in *Journal of Public Economics*, forthcoming.

Corneo, G., 2001. "Inequality and the State: Comparing US and German Preferences", in *Annales d'Economie et de Statistique*, 63-64, 283-296.

Corneo, G. and H.P. Gruner, 2002. "Individual Preferences for Political Redistribution", in *Journal of Public Economics*, 83, 83-107.

Ravallion, M. and M. Lokshin, 2000. "Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990 Russia", in *Journal of Public Economics*, 76, 87-104.

“Экономический рост, распределение доходов и бедность в переходный период в Польше”, Пьерелла Пацци, Марцин Й. Сасин и Йоз Вербек

Bourguignon, F., 2002. "The Growth Elasticity to Poverty Reduction: Explaining Heterogeneity across Countries and Time Periods", in T. Eicher and S. Turnovsky (eds.), *Growth and Inequality*. Cambridge, Mass: MIT Press.

Pinto, B., 2002. Poland — Macro-Micro Policy Linkages. Unpublished World Bank Mimeo.

Ravallion, M., 1995. "Growth and Poverty: Evidence for Developing Countries in the 1990s", in *Economics Letters*, 48.

Ravallion, M., and S. Chen, 2003. "Measuring Pro-poor Growth", in *Economics Letters*, 78.

Shorrocks, A., 1982. "Inequality Decomposition by Factor Components", in *Econometrica*, 50 (1).

World Bank, 2002. *Transition: The First Ten Years*. Washington, D.C.: World Bank.

World Bank, 2003. *Poland: Towards a Fiscal Framework for Growth: A Public Expenditure and Institutional Review*. Washington, D.C.: World Bank.

“Латинская Америка в 1980—2005 гг.: институциональное устройство, экономический рост и бедность”, Альваро Гарсия

Attanasio, O. and M. Szekeley (eds.), 2001. "Going Beyond Income: redefining Poverty in Latin America", in "A Portrait of the Poor: An Asset-Based Approach", Baltimore, John Hopkins University Press.

Corbo, Hernandez y Parro, 2005. "Institutions, economic policies and growth: lessons from the Chilean experience." Central Bank of Chile Working Papers 317.

Cornia, G.A., ed., 2005. "Inequality, Growth and Poverty in an era of Liberalization and Globalization". Oxford, Oxford University Press.

Kaufmann, D., A. Kraay and M. Mastruzzi. 2003. "Governance matters III: Governance indicators for 1996-2002." World Bank.

Rodrik, D., 1999. "Where did all the growth go? External shocks,

social conflict, growth collapse", John F. Kennedy School of Government, Harvard University.

World Bank, 2005. "Economic growth in the 90s. Learning from a decade of reform". Chapter 2.

“Искажения на рынке труда, неравенство города и села и открытость китайской экономики”, Томас Хертел, Фэн Жай

Chan, Kam Wing and Li Zhang, 1999. "The hukou system and rural-urban migration in China: Processes and changes", in *China Quarterly* 160, 818-55.

Rozelle, Scott, Guo Li, Minggao Shen, Amelia Hughart and John Giles, 1999. "Leaving China's farms: Survey results of new paths and remaining hurdles to rural migration", in *China Quarterly* 158, 367-393.

Shi, Xinzheng, Terry Sicular, and Yaohui Zhao, 2002. "Analyzing urban-rural income inequality in China". Paper presented at the International Symposium on Equity and Social Justice in Transitional China, Beijing, July 11-12.

Sicular, Terry and Yaohui Zhao, 2004. "Earnings and labor mobility in rural China: Implications for China's accession to the WTO", in *China and the WTO: Accession, Policy Reform, and Poverty Strategies*, D. Bhattasali, S. Li and W. J. Martin (eds.). Washington D.C.: World Bank and Oxford University Press

Yang, Dennis T., 1997. "China's land arrangements and rural labor mobility", in *China Economic Review* 8(2), 101-116.

Zhao, Yaohui, 1999. "Leaving the countryside: Rural-to-urban migration decisions in China", in *American Economic Review* 89, 281-286.

“Городская бедность в России”, Анастасия Александрова, Елена Гришина

Александрова А. и Гришина Е., 2004. "Анализ сельской бедности в России" (на рус. яз.). Отчет Всемирного банка, Москва

Либоракина М. и Овчарова Л., 2001. "Бедность в Российской Федерации. Специфика городской бедности" (на рус. яз.), в "Социальная помощь: на пути к адресности", Институт экономики города.

Всемирный банк, 2004. "Оценка бедности в Российской Федерации". Отчет No 28923-RU.

Deaton, A. and S. Zaidi. "Guidelines for Constructing Consumption Aggregates for Welfare Analysis"

World Bank, 2000. "Making Transition Work for Everyone: Poverty and Inequality in Europe and Central Asia".

Ravallion, M., 1994. "Poverty Comparisons", Harwood Academic Publishers, Chur, Switzerland, 1994.

“Оценка правовых систем: катализатор реформы”, Мишель Нуссбаумер

Simeon Djankov, Rafael La Porta, Florencio Lopez De Silanes, and Andrei Shleifer, 2002. "Courts: The Lex Mundi Project", World Bank, Washington, DC.

EBRD Transition Report, 2003, p. 38.

Подписка на "Beyond Transition"

Если Вы или Ваша организация хотите бесплатно получать вестник "Beyond Transition", пожалуйста, заполните форму и отправьте ее нам по факсу, почте или на адрес электронной почты: editor@cefir.ru. Пожалуйста, укажите, какую версию Вы хотите получать: печатную или электронную.

Центр экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР)

Нахимовский проспект, 47, офис 720

117418 Москва

Россия

Тел. 495-105 5002

Факс: 495-105 5003

Эл. почта: editor@cefir.ru

Имя	_____
Фамилия	_____
Организация	_____
Должность	_____
Улица, дом	_____
Город, область	_____
Почтовый индекс	_____
Телефон	_____
Факс	_____
E-mail	_____

Подписаться на печатную версию

Подписаться на электронную версию

Beyond Transition

Управляющий редактор: Эрик Берглоф, директор Стокгольмского института переходной экономики

Редакционный совет:

Алан Гелб, директор, Development Policy, Всемирный банк

Прадип Митра, главный экономист региона Европы и Средней Азии, Всемирный банк

Борис Плескович, руководитель исследований в области экономики развития, Всемирный банк

Главный редактор: Ольга Мосина, ЦЭФИР в РЭШ, Москва

Региональный редактор: Эндрю Остин, CERGE-EI, Прага

Координатор выпуска: Юлия Бабич

Рисунки и дизайн: Екатерина Яковлева

Российское издание вестника "Beyond Transition" издается Центром экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР) в РЭШ по инициативе Всемирного банка. Вестник выходит четыре раза в год.

ЦЭФИР в РЭШ

Нахимовский проспект, 47, офис 720

Москва, 117418, Россия

Телефон: +7-495-105 5002

Факс: +7-495-105 5003

<http://www.cefir.ru>

Эл. почта: editor@cefir.ru

Мнения, выражаемые в вестнике "Beyond Transition", отражают точку зрения авторов и не должны рассматриваться как мнения ЦЭФИР, Всемирного банка, его Совета директоров или стран, которые представляют директора Всемирного банка. При использовании статей ссылка на вестник обязательна.